

ДЕСЯТЬ

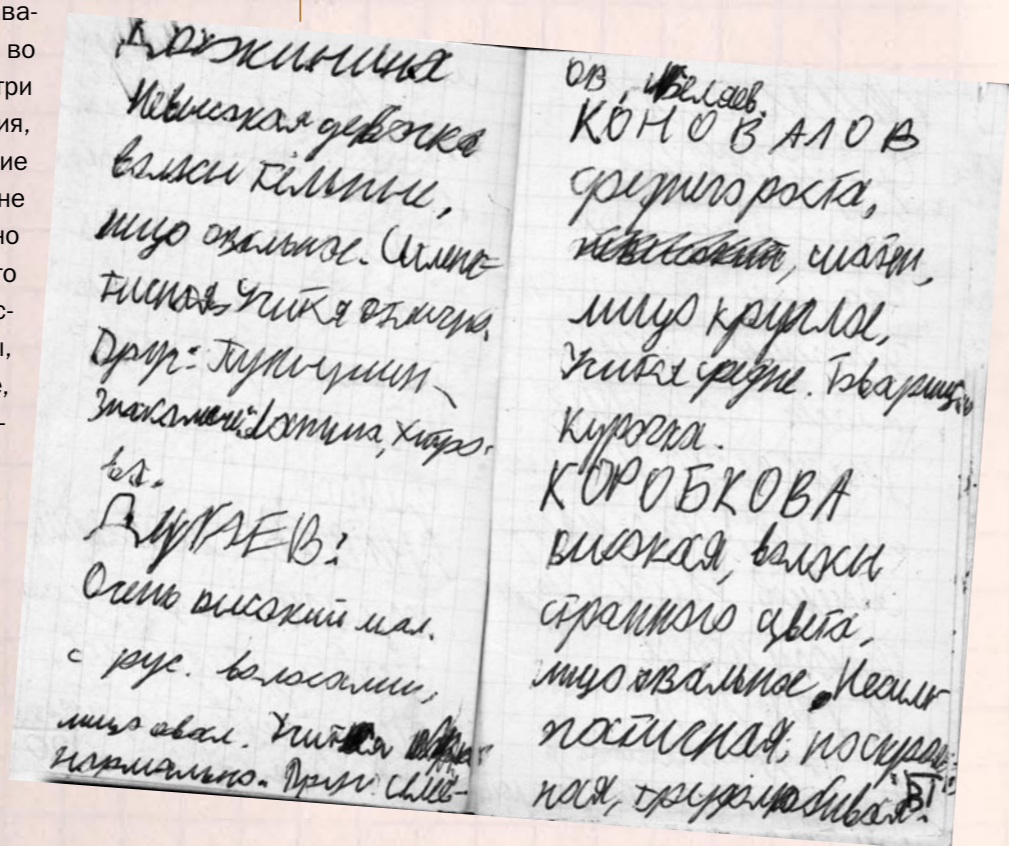

Санкт-Петербург
1996—2006

Хунта

Высокая концентрация в классе талантливых и амбициозных личностей, преодолевших конкурс в 15 человек на место и дорвавшихся до латыни, а в перспективе и до греческого, неизбежно привела к проблеме поиска себя в новом окружении и к острой борьбе за лидерство. Возникали и рушились различные союзы, связи, интриги и альянсы. В старшем классе шла ожесточенная борьба между пионерами и неформалами. Первые настаивали на обязательном ношении красных галстуков всеми, другие защищали свое право ходить как вздумается. Дискуссии были бурными, однако до насилия не доходило. Не так развивалась история в 6 "бета". К концу первого полугодия в классе сложилась "хунта" – группировка, которая силой насаждала свою власть и претендовала на то, чтобы контролировать все сферы гимназической жизни. Возглавляли хунту два самых изощренных ума школы – Лепус и Тигор. К тому же, они были на год старше остальных и выделялись ростом и физической силой. Вокруг них образовалась кучка последователей и прихлебателей; вместе они наводили ужас на благонамеренных гимназистов. Хунта не преследовала таких ничтожных целей, как школьный рэкет, мелкие поборы или "темные" недовольным. Ее главари были заинтересованы только во власти – абсолютной и явной. Внутри хунты существовала строгая иерархия, все гимназисты, не принадлежавшие к ней, согласно озвученной доктрине "являлись врагами". С ними можно было поступать по законам военного времени. Естественно, в массах росло недовольство. Противники хунты, поначалу слабые и разрозненные, объединялись и начали давать достойный отпор.

Всю вторую и третью четверти бушевали локальные беспорядки, закончившиеся тем, что зачинщики с обеих сторон получили "неуды" по поведению и были лишены премиальной поездки в Бельгию. Это нанесло хунте серьезный психологический удар, и она вскоре распалась. Царство тьмы закончилось.

Поступили!

1. Все адыгейцы едят мухоморы. Андрей – адыгеец. Следовательно,...
2. до + сахар = фасоль; заяц + электричество = листок битва + пес = ?
3. Как расположить 3 единицы, три девятки и три семерки, чтобы в результате получилось 2.
- Возможны любые сочетания и арифметические операции.
4. 22222=3. Расставьте знаки.
5. Напишите слова из 5 букв, начинающиеся на «к» и заканчивающиеся на «а».
6. Напишите глаголы на «у»
7. Яблоко, кожура, апельсин; Дождь, осень, лето; Зверь, птица, клюв – подчеркните лишнее слово
8. Составьте слова из слова «парламент».
9. На каком языке говорили а) В Древнем Риме б) В Византии в) В Др. Индии
10. Кто написал а) «Таинственный остров» б) «Гамлет»
11. На каких реках стоят а) Казань б) Киев в) Новгород
12. Какие реки и каналы пересекают Невский проспект
13. Кто был русским царем во время а) Бородина б) революции в) Нарвской битвы
14. С кем воевала Россия а) в Северной войне б) в войне 1812 года в) в ВОВ
15. В каких странах находятся а) Барселона б) Ливерпуль в) Цюрих

Бельгия

Когда по итогам второй четверти часть гимназистов было решено отправить в бельгийский детский лагерь под эгидой KinderVreugd ("детская радость"), это было страшно и удивительно. Настоящая заграница. Все не по-русски. Две недели без родителей. Две недели вместе с одноклассниками (пока еще немного чужими - не то, что через пару лет в каком-нибудь Новгороде). Как мы там выживем?.. Отправлялось по девять человек из всех тогда еще только четырех классов плюс несколько учителей.

Бельгия разделилась на две части: первая неделя - мрачный заснеженный Антверпен, населенный жизнерадостными и дружелюбными фламандцами; и вторая — солнечный весенний Брюгге, поросший зеленой травой и наполненный довольно мрачными франкоговорящими жителями. Антверпенская половина была вообще веселее и насыщеннее событиями. Мы ходили в бассейн и на каток, где знакомились с местными ребятами и пытались найти с ними общий язык. Мы ездили в мэрию. Мы ходили на фильм "Один дома" на

туземном наречии и получили массу удовольствия, а на обратной дороге забыли в поезде Чистовича, который уснул в уголке и только по нелепой случайности не оказался в Голландии. Мы первый раз в жизни видели фрукт киви и не знали, как его есть. А еще темной фламандской ночью мы с отправились маршем через окрестные деревни, размахивая факелами на манер куклукс-клановцев и распевая "Звезду по имени Солнце". Согласно Википедии, "referred to as the "Venice of the North", Bruges has many waterways that run through the city". Лагерь запомнился в первую

«Het weer lijkt alvast hetzelfde»

Kindervreugd ontvangt 36 kinderen uit Leningrad op de heide en aan de kust

KURT DE GENDT

KALMTHOUT — Na het succes van het bezoek van een aantal Roemeense kinderen vorig jaar, besloot het Stedelijk Onderwijs van de stad om dit jaar een soortgelijke samenwerking aan te gaan met een groep Russische schoolkinderen uit Leningrad. De leerlingen, allen tussen de 6 en 13 jaar oud, mogen gedurende veertien dagen rekenen op de gastvrijheid van de Scheldestad.

In eerste instantie is het de bedoeling om de jongeren gedurende deze tijd even weg te halen uit hun dagelijkse bekommernissen in het thuisland. Er werd dan ook voor gezorgd dat het programma evenwichtig en niet al te vermoeiend werd opgesteld. Zo verblijven de 36 de eerste week in de openluchtschool Diesterweg in Heide-Kalmthout en trekken ze vanaf zondag naar het Kindervreugd-domein in Sint Idesbald aan onze kust. Er zijn uitstapjes voorzien naar steden als Antwerpen (Rubenshuis en Zoo), Brussel en Brugge.

De school die deze kindere-

stuurde, behoort in Leningrad tot één van de hoogst gewaardeerde. Vooral de klassieke vorming die de leerlingen er krijgen, spreekt de ouders aan. Bij het begin van dit academiejaar waren er dan ook voor elke plaats veertien kandidaten. «Het klinkt hard, maar we moeten dus écht selecteren»,

vertelt ons één van de begeleidsters. We vroegen de kinderen tijdens hun eerste middagmaal wat ze zelf verwachtten van hun verblijf.

Ze antwoordden ons in verbaasd goed Engels. «Vriendjes maken» en «De geschiedenis le-

ren kennen», blijken de algemene favorieten te zijn.

Wat was het eerste dat hen hier opviel? Enkelen wijzen met een volle mond naar het stuk brood en het bord soep dat hen werd voorgeschoteld. De keuken van de school wordt kennelijk geapprecieerd.

De keuken van Kindervreugd kon rekenen op heel wat appreciatie / foto Van Goeijem

На одной из своих жен Иван Грозный женился в городе Торопец. Лет примерно двенадцать назад классическая гимназия ездила туда заниматься археологическими раскопками, и я тоже. В отличие от Новгорода, в котором все сводилось к закапыванию огромного котлована, в котором однажды был найден некоторый ценный предмет, но в земле из которого вся археологическая рать за лето не нашла больше ничего, в Торопце все было по-настоящему: проступали контуры домов тринадцатого где-нибудь века, находилось множество украшенных узорами черепков, и слои следовало снимать аккуратно небольшими совочками.

Жили мы на берегу речки, местный житель, мальчик с побелевшими волосами и в очках, скатывался в нее часто на велосипеде.

Лучше всего помню игру в ситуацию. Мы дежурили, отмывали кастрюли и гадали над следующей историей: женщина с дочерью приезжает из глухой деревни в отель, где их селят в двух идентичных номерах. Ночью женщина просыпается, видит перед собой зеркало и падает в обморок. Почему?

На речке был маленький змеиный остров, куда все любили заплывать, но я плавать почти не умел. Однажды, в конце дня, вспотевший и уставший, я расслаблено плыл на спине, не замечая криков и жестов, обращенных ко мне. Потом все-таки заметил, остановился, развернулся и увидел змею, плывшую на меня на расстоянии полуметра. Говорят, что плывущая гадюка совершенно безопасна.

Под дождем у костра гимназисты пели заходившим гостям песню, слова и смысл которых я никогда не понимал: Gaudeamus, Igitur!

Мы ходили в местную газету давать интервью -- там была студия с микрофоном. По обыкновению я сказал какую-то полную воодушевления чушь. В статье завернули что-то невероят-

Стоят: слева направо: Андрей «Тигор» Семенов, Пага Курочка, Игорь Ходак, Шура Коган, Сережа «Ёж» Чистович; Сидят: Алекс «Эмий» Озерский, Коля Критский, Сама «Банаша» Симин, Андрей Костин, Никита Филиппов, Денис Кейер, Петья Косаревский

ное поэтическое про мою челку, она тогда действительно закрывала все лицо. Статья еще, возможно, у кого-то сохранилась.

С Костиным (и еще кем? Симиным?) в одной команде мы играли в многоборье, включавшее спортивное ориентирование. Мы нашли много КП, не заблудились, обошли сортирную зону, но всех обыграла девичья команда с Бэйли, кажется, среди них -- они нашли пару КП и сразу вернулись, и у них не было штрафного времени. Все равно нам честно или нечестно досталась призовая сгущенка.

Вместе с Борей Рогинским жили его товарищи из Герцена, на них были матроски, они вечно сидели в палат-

Археологические раскопки в городе Торопец

Нецветаева Маша и Илья Нахмансон

прекрасной Зоей Критской. Желали установить с ней переписку. Мне это очень не нравилось, поскольку в Зою Критскую я сам был влюблен.

Все вкусное со скандалом съедал Нахмансон.

В торопецком книжном магазине самая интересная была книга под названием "Новейший Плутарх", выдуманные биографии, написанные в соавторстве четырьмя людьми, встретившимися где-то в ГУЛАГе, среди них Даниил Андреев. Помню биографию человека, проповедовавшего добровольный уход из жизни, и отправленного на тотсвет своим последователем.

Что за экспонаты были в торопецком музее, не помню.

Ставили сцены из рассказов Зоценко. Один рассказ был про больницу. Там в ванной лежала полумертвая старушка и говорила возмутительные слова.

Другой про коммунальную сорру: инвалид, которого изображал Тигр, врывался с криком "что за шум, а драки нет?", и сразу была драка; Бэйли что-то делала с примусом.

Еще ставили рассказ "Графин" про маленького совестливого Ленина. Рассказ предложил я, но на роль Ленина был назначен Черноморский. В последний момент он струсил, сказал, что такую ответственность на себя взять не может, и Вовой был я. Плакал, а мама (не помню, кто -- Бобби или Бейли; скорее Бобби) утешала

меня. Помню то наглое веселье, с которым мы дети носились вокруг стола, и вот уже он необратимо разбит, и так легко соврать, но как жить с этой ложью...

Кто-то рассказывал историю По про мертвого кота в стене.

Домой ехали долго на автобусе до самого ?Ленинграда?, у Черноморского была электронная советская игрушка, которую иногда он одалживал. Я, как уже говорилось, был малец, влюблен в Зою Критскую, и это поглощало. Дальнейшее в забвении. А изложенное вполне может оказаться фантазией.

Никол

Комментарий Чистовича

По-моему, что-то ты придумываешь. Ты реально столько всего помнишь? Я лично ни фига столько не помню, а гораздо меньше.

А клубника дикая не бывает, бывает земляника. Хотя мне кажется, что ее там как раз не было. А была она где-то, куда надо было далеко ходить. Где-то, видимо, в районе сортирных гадюк.

А конкурс-многоборье вообще был очень бесчестный. Мне так и не дали всех победить. Помню, там был такой этап, на котором всем давали бумажки, на которых было написано какое-то время, например пять минут, и надо было без часов это самое время проходить и как можно точнее его угадать, и все ходили и считали секунды. и мало того, что мне досталось самое длинное время (12 минут, что ли), так мне его еще и доходить не дали, и еще паре человек, потому что дождь пошел. было очень обидно.

А насчет членов я вот например ничего такого не помню. Вечно ты всякую порнографию выискиваешь. А съедал-то Нахмансон без скандала, потому что "под покровом ночи". Скандал потом бывал.

А Ходак - где сейчас Ходак?.. А вот продвинутые люди играли не только в дипломата, но и в преф. Пом-

ню, Симин на шестерной без шести сел.

Насчет “ранен в жопу” не помню, а вот “спите, добрые соседи, мы не будем вам мешать” в душу запало.

Ответ Никола

Нет, почему, действительно помню, вполне живо, и еще что-нибудь могу вспомнить. Дикая клубника -- может быть, действительно ее не бывает. Бывают, наверное, разные виды дикой земляники, и тот, что был там, я для себя называл клубникой. Собирал ее рядом с самым раскопом, но вроде и еще была. Про сортирных гадюк как раз забыл.

Конкурс -- да, запомнилась именно бесчестность.

Члены -- ну не видел ты так не видел. Мне запомнились, возможно, по причине удивления, которое у меня эта картина в связи с биологической непросвещенностью вызывала. И т.д

Комментарий Дани Лурье

а еще там была такая история. в палатку к Зиновьеву, Григорьеву и Бурячко зашла небольшая собака. она наслала в самый центр их палатки. Зашел спор о том, кто будет убирать дерьмо. Разумеется, никто из них не сдавался. Помню, прекрасную фразу, произнесенную в связи с этим Бурячкой: “А мне не пахнет”. Так они и спали дня 2, пока кто-то из взрослых не помог им. Эх, было время...

Комментарий Нахмансона

Про «Все вкусное со скандалом» -- гнусная ложь! Симин не садился без шести, это поклеп. Он сел без пяти. Самым веселым развлечением в Торопце был ямбол. Рядом с палатками почему-то было очень много воронок, три из них располагались прямо одна за другой. Это и был pitch. Задача состояла в том, чтобы пнуть мяч таким образом, чтобы он нырнул либо в центральную, либо в дальнюю от тебя яму, а затем угодил в учительскую па-

Зоя Крымская, Шура Коган и Илья Нахмансон. Сиекакль из Зоценко.

латку, прежде чем игроки команды соперника успевали его перехватить. Другая команда метила либо в ту же центральную воронку, либо в твою, а воротами являлась какая-то другая палатка, кажется, девочек. К сожалению, из-за отсутствия стюардов, на поле постоянно выбегали болельщики, в основном, учителя и, кажется, девочки, из-за чего игру приходилось останавливать. Но было весело.

Комментарий Лопатки

Нифига-то вы не помните. Сейчас я вам расскажу, как все было. Во-первых, насчет раскопа -- все мыслящие люди знают, что, на самом

деле, мы рыли бассейн для Фанюкова. Фанюков был то ли каким-то главным местным археологом, то ли еще кем. Он ходил в камуфляжных штанах и ездил на «Ниве». Демоническая личность ... А мы под палящим солнцем рыли ему бассейн. Совочками и метелочками. Кстати, он должен был нам каких-то продуктов за работу ... то ли картошки, то ли тушенки -- и зажал. Чтоб ему утонуть в том бассейне.

Все эти контуры домов и черепки -- это для отвода глаз. Кстати, помню, кто-то, кажется, Миша Перлов наткнулся на целый горшок. Тут же сбежались все археологи Торопца, Фанюков на Ниве приехал, Мишу отстранили, и два са-

Играем в “Дипломата”. Слева направо: Игорь Ходак, Никол Никифоров, Коля Крымский.

Панорама лагеря. Стоят родители Сергея Чистовича.

мых маститых археолога часа три этот горшок освобождали, сдувая землю вокруг него по песчинке, чтобы, не дай бог, не повредить. В общем, камень это оказался в итоге, в форме горшка. Страх и ненависть к Фанюкову, кстати, нашли отражение в том, что когда как-то раз меня, моего папу и «двух друзей Бори Рогинского» вместо раскопа послали сложить Фанюкову в сарай дрова, мы долго складывали их так, чтобы входящий в сарай человек споткнулся о бревно, а ему на голову упала вся поленница. После этого случая я Фанюкова на Ниве больше не видел... Кони, кстати, были. Но я был уже взрослый и в их личную жизнь старался не лезть.

Одного из друзей Бори Рогинского звали Дима, а второго -- как какого-то древнерусского князя: то ли Игорь, то ли Олег, но точно не Святослав. Они хорошо играли в футбол.

Кстати, совершенно не раскрыта тема футбола! А ведь именно в Торопце состоялся первый выход футбольной команды гимназии на международную арену. Это произошло в игре со сборной близлежащей деревни Шатры. У одного мальчика в их команде были настоящие бутсы, и когда он бежал за мной, эти бутсы страшно шуршали по траве, так что, казалось, за мной гонится работающая сенокосилка. Мы тогда выиграли 5-2.

Купание. Стоят Т. Б. Путилова и Н. А. Рогинская, плывут Илья Нахмансон и Коля Крымский.

И «альфа-на-бета» там играли первый раз. Мы отдали бете Петю Косаревского на ворота, и он творил чудеса. Забить ему смог только Нахмансон в свои ворота на последней минуте, и то ему повезло. Центр поля при этом находился на вершине холма, а ворота (пары лопат, воткнутые в землю) -- по склонам. Ямы были -- это да. Только, я думал, это просто Нахмансон в футбол играть не умеет -- у него вечно мяч летел в эти ямы и палатки. А оказывается, вот оно как было ...

Про «ориентирование». Там победила девичья команда. Был циничный судейский произвол. Я был в команде «Торопедо-Торопец» с Димой и Игорем. Мы бродили по лесам, по змеиным холмам, брали языка из Шатров, в итоге нашли почти все КП, а судейский комитет, возглавляемый моим отцом, просто взял и переписал правила прямо по ходу дела. Я потом с ним день не разговаривал ...

Еще была большая палатка-шатер. На там жило человек 10. Называлась она «барак». Ну и в первую ночь ТВ услышала, как мы в ней переговариваемся, и какую лексику при этом используем. После этого была бессмертная директива «заменять плохие слова звуком «ш-ш-ш». Всем это безумно понравилось, и неделю лагерь шипел, прерываясь только на имена собственные. Насчет театра. Я отчетливо помню абсолютно гениальный моноспектакль Нахмансона по «Мнимому больному» Зоценко. Ничего лучше в жизни не видел.

Еще Нахмансон запомнился какой-то уникальной диетой. Он не то ел только картошку, не то всё кроме картошки, не то совсем ничего не ел ... забыл. Моя мама до сих пор его вспоминает. Еще много чего было ... шпану из Шапок учили петь Gaudeamus, отчего она (шпана) приходила в глубокое изумление. Еще была игра, в которой все искали кулек конфет по каим-то запискам ... Много еще чего было.

ГИМН ТОРОПЕЦКОГО ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОЗЕРЛАГА

Снова нас везут куда-то ,	4	Мы от дома недалече ,	
И ужасен наш маршрут -		Но успели - будь здоров:	28
Это предки виноваты,	5	Сжечь дотла носы и плечи ,	29
Что копаем там и тут .	6	Наломать немало дров ,	30
Рыть квадраты вдоль раскоп		Лицезреть скульптуру парты	31
В городище - боже мой! -	7	Перед бывшею тюрьмой ,	32
Труд под силу лишь циклопам !		В пух и прах продуться в карты -	
Мама, я хочу домой!	8	Мама, я хочу домой!	33
Не хочу я стать циклопом ,		Денег нет играть мне в карты ,	
Мама, я хочу домой!		Мама, я хочу домой!	
Дома жизнь разнообразна,	9	Отрывались слишком рано	34
Ну, а здесь - все пыль, жара ,		Мы от сладких сна оков ,	35
Нет конца посуде грязной,	10	Дали на гора сверх плана	36
Не спастись от комара ,	11	Груды битых черепков .	37
Гвозди в досках постоянно,	12	Три четвертых пуда сыра -	38
Щеки в саже , мой - не мой,	13	Тьфу перед голодных тьмой ,	39
И запор от каши манной ...		И в палатке слишком сыро ...	
Мама, я хочу домой!		Мама, я хочу домой!	14
Не хочу я каши манной ,		Мне в палатке слишком сыро,	
Мама, я хочу домой!		Мама, я хочу домой!	40

Здесь, конечно, чудный лагерь		Пункт 7-й нам не поддался ,	41
У Торопы на мысу,	15	И отбой мешал не раз ,	42
Можно приложиться к фляге ,	16	И лишь ежик попадался ,	43
Землянику жрать в лесу .	17	Но ни разу - дикобраз ,	44
Но гадюки есть в сортире ,	18	И, сдается, "ствол находок"	45
И добавки нет седьмой ,	19	Под топор пойдет зимой ,	46
И дежурных лишь четыре ...		И "Зенит" снимал - не "Кодак" ...	
Мама, я хочу домой!	20	Мама, я хочу домой!	
Не хочу попасть в четыре ,		Пусть меня снимает "Кодак"!	
Мама, я хочу домой!		Мама, я хочу домой!	
Провинившийся латыни	21	Наш отъезд не за горами -	47
Изучал страницы две ,	22	Грянем в 25 совков ,	
В глаз попали комом тины ,	23	Пусть хранит портрет наш в раме	48
И доской по голове ,	24	Сам товарищ Фоняков .	
Ветер дул[ся], дождь мочил[ся]		Наш прощальный клич подхватит	49
Тут - сопливый, там - хромой,	25	И спартанец, и немой :	26
Сом не всплыл , табак скурился ...		"Спальник - прочь! Даешь кровати!"	
Мама, я хочу домой!		Мама, я хочу домой!	
Раз такой кошмар случился,		Дам полцарства за кровать я,	
Мама, я хочу домой!		Мама, я хочу домой!	
		Торопец	
		10-12.07.91	

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На мотив и с заимствованием строчек в 1-2 куплетах известной в начале 60-х гг песни “Мама, я хочу домой!” Ю. Визбора (?). 2. Т.е. расположенного на озере лагеря - в наиболее старом смысле: стана для временного проживания на природе. 3. На самом деле маршрут автобуса был неизменен; здесь строчка полностью из прототипа. 4. Тряска, пыльный, жаркий. 5. На самом деле копали в единственном месте; здесь слова из прототипа. 6. Действительные археологические приемы. 7. На самом деле не столь трудно; здесь строчка полностью из прототипа. 8. Один чуть не стал - но не на раскопках; см. пр. 22. 9. Со 2 по 9 дни пребывания (из 12-ти). 10. Это касается только взрослого персонала, лжившегося поздно, т.к. до 22 часов комаров не было, за редчайшим исключением. 11. На топку костра были получены обрезки досок б/у со множеством гвоздей, которые пригодились для сто лярных работ, но представляли угрозу босым ногам. 12. Результат того, что многие часто вертели у костра, а также мытья закопченных котлов. 13. “Запор” - смеха ради; да и манная каша была не часто; здесь слово из прототипа. 14. Здесь строчка полностью из прототипа, но отчасти соответствует результатам опросов: предпочитающие рисовую кашу кричали громче. 15. Имеется в виду бидон с чаем, отвозимый на раскоп; в более широком смысле - вечное безумное чаепитие из непересыхающих ведер на “кухне”; а вот индивидуальные фляжки с горячительными на- питками не наблюдались. 16. Даже прямо в лагере, на склонах окопчи- ков или воронок, а также по обочинам дорог. 17. Змеи были замечены в первые дни в траве в местах, удобных для уединения по нужде; пострадавших не было. 18. Гипербола; но будь таковая для компота - пригодилась бы; а количество подходов к чаю не ограничивалось и учету не поддается. 19. Вначале было больше; основная и объемистая работа - мытье посуды. 20. Т.е. в число дежурных-посудомоев. 21. За шум после отбоя некоторым пришлось заниматься с преподавательницами латыни. 22. При киданье во время купанья; виновник - ?, пострадавший - Филиппов (?). 23. При выгрузке очередной порции топлива; виновница - Даша, пострадавший - ?. 24. Автору, конечно, известно правильное употребление глаголов в данном контексте: без возвратных частиц; но смеха и двусмысленности ради он готов на все. 25. Был слух о водящемся в реке большом соме. 26. Это касается взрослого персонала. 27. В смысле недолгого пребывания в лагере. 28. Т.е. обжечь солнцем; многие, действительно, облезали страшным образом. 29. В нескольких смыслах: во-первых, ломая рейки и гнилые доски для своего костра; во-вторых, взяв без спросу настоящие дрова, тем самым, в-третьих, совершив нехорошее действие с плохими последствиями, за что будучи вынужденными, в-четвертых, заготавливать дрова начальнику экспедиции; в-пятых, совершая все прочие ошибки. 30. Точнее, памятник народному учителю, включающий фигуру парты. 31. В которой сегодня - интернат. 32. В них играли многие дети, но не взрослые. 33. На самом деле на деньги не играли. 34. Подъем в 8 часов; отъезд на раскоп в 9-15 - 9-30. 35. Сверх полученной натуроплаты: 28 б тушенки и 5 кг макаронных рожков. 36. Они преобладали, наряду с обломками костей; но попало по десятку железных и бронзовых фрагментов, пяток пряслиц и кусков браслетов, бусины, рыба чешуя... 37. За два дня до отъезда купили два круга сыра общим весом 11,5 кг за 136 руб. 38. По 250 г на каждую уставшую от каш едоцкую единицу; но все же удалось сохранить не менее четверти на день отъезда. 39. В последние 3 дня, когда прошло несколько дождей. 40. В игре на ориентирование в лесу. 41. Прерывал частные развлечения и угрожал латынью (см. пр. 21). 42. Даже два: один сам появлялся в лагере и как бы служил защитой от змей; другого нашел под кустом на центральной улице Торопца Павел Черноморский. 43. Это, конечно, лишь смеха и рифмы ради. 44. Дерево, на которое вешали и клали все забытые в лагере и окрестностях вещи. 45. Это лишь рифмы ради. 46. Было несколько фотоаппаратов; какие именно - точно не известно, но “Кодака”, скорее всего, не было. 47. Совками копали на раскопе; было их задействовано около двух десятков, но почти наверняка меньше 25-ти. 48. Начальник экспедиции. 49. Т.е. и самый физически непритязательный, и даже неспособный воскликнуть.

ГИМН ГИМНАЗИСТОВ

(вольный перевод Гаудеамуса)

Подобает кайф ловить
В молодые лета:
Подобает кайф ловить
В молодые лета:
После юности шальной,
После старости больной
Нас поглотит Лета.

Где же те, кто прежде нас
Родились на свете?
Где же те, кто прежде нас
Родились на свете?
Кто карьеру завершил,
Кто не в меру согрешил -
Все уже не дети.

Детство мимолетное
Пролетит так быстро!
Детство мимолетное
Пролетит так быстро!
Зрелость нудная заест,
Надоест тяжелый крест
Бомжа иль министра.

Гимн поем гимназии,
Славу педагогам!
Гимн поем гимназии,
Славу педагогам!
Пусть премудрый педсовет
Льет на нас ученья свет
Изобильным рогом!

Славьтесь, одноклассницы,
Ксюши, Маши, Даши,
Славьтесь, одноклассницы,
Тани да Наташи!
Мысль - в кудрях, огонь - в груди,
Палец в рот вам не клади,
Словом - в доску наши!

Слава демократии,
Президенту Боре!
Слава демократии,
Президенту Боре!
Слава мэру Собчаку,
Пусть он будет начеку
Et memento mori!

Сгинь, увертка лодыря,
Сгинь, апломб невежды,
Сгинь, увертка лодыря,
Сгинь, апломб невежды,
Сгинь, РУНовый бюрократ
И - да здравствуют стократ
Добрые надежды!

17-18.08.91

ОДА ФАНТАЗИЯ

в стиле 'гензга'

по случаю чертвовознолетия славнейшего и прекраснейшего
Когана Искандера, в просторечии Шурика Когана

С днем рожденья, милый Саша!
Кушай очень много каши
И расти большим-большим,
Четко соблюдай режим:
Супа лишнего не брать,
Не ложиться на кровать,
Мыться с мылом ровно в семь -
И прохладнейшая сень
Да пребудет над тобой!
Словно звезды над землей,
Да горят твои глаза!
Да летает стрекоза
Над твоею головой!
И воды речной покой
Нарушает рыбы плеск,
Подплывая к ним на desk...

Уписав в один присест,
Это вовсе не секрет,
Что тебе тринадцать лет
Стукнет в середине лета -
Словно жирная котлета,
Вдруг тебя по голове
Стукнет палка или две.
Жаль: ведь был ты лучше нас,
Ел на ужин ананас,
На обед - компот из рыбы,
Чтобы
был
бы
рад бы
ты
бы...

"А еще, мой дорогой,
Леший мой,
мой домовый,
Славный мой
городовой -
Как изыскан облик твой,
Как оправлен твой мундир!" -
Закричал наш командир,
Застрелив под праздник Шуру
(Кто поверил - свалил дуру!)

Уплываешь в море ты,
Избегая суеты,
Завернувшись в темный плащ
От камней, летящих с пращ...

В этих сладостных полях
Вьется длинный пыльный шлях,
Приводящий вас к реке
Вместе с Шурой в парике.
У реки поздравьте Шуру,
Искушайте, словно Куру.

...Умирают в день рожденья
Только съевшие варенья
Сто кило и втихаря...
Ряпушку и глухаря

Курс держи ты на Норд-Вест,
Где кокосы - по талонам,
Где за газовым балоном
В очередь придется встать,
Чтоб не тырить, словно тать,
Чтоб как честный человек
Завершить свой жалкий век.

В Торопецкой стороне
Он катался на слоне,
Но та-та-та-та там
Лучше бегать по лугам,
Или, скажем, возле речки,
А, возможно, возле печки,
Или в роще небольшой,
Или в замке над рекой...

...Будь еще гениальнее
И работай тщательнее,
Попусту не тормози,
Не бузи,
не егози,
Лишь грызи
гранит науки
И не ведай, друг мой, скуки.
Кушай очень хорошо

Когану тринадцать лет,
У него пропорот кед,
У него пылает взор,
Как включенный светофор,
Кожа выжжена дотла -
Видно, жаром от костра /котла/ -
Остальные части тела
Белая акула съела...

Но 'ваще-то' все равно
Все мы знаем, что давно
Ты мышей и крыс не ловишь, -
Лодку ты большую смолишь,

Все, что я хотел сказать,
Может выbleять коза
Или выкаркать ворона -
Но желаю, чтоб корона
Над твоей была главой,
Чтобы солнце над тобой
Воссияло, словно нимб...

В окруженье стройных нимф
Он идет,
наш юный бог,
Этот Шура Коганок,
Он идет,
наш дня герой,
За него мы все горой.
На кувшинку посадив,
На веселенький мотив
Пойте: "Славься, Шура К.!"
Мы, Паскевичи и К,
Поздравляем Шурика!

Карпов, щук, сомов, ершов,
Карасей, сигов и во бл...

И, воскликнув дико: "Во ...!" -
Он свалился в мураву,
А она о нем молву
Разнесла на целый мир...

Здравствуй, Коган, наш кумир,
Со свиданьем, дядя Шура,
Объект нашего амура!
Поздравляю с днем рожденья
И, отбросив свою лень, я
Передам тебе привет,
Падая в глубокий след.

С днем рожденья, милый Шурика,
Толстый ты, как кошка Мурка.
С днем рожденья поздравляем,
Но не счастья желаем,
А поесть поменьше каши...
Это дело не для Саши!
Миску полную всегда,
Дабы вкусная еда
Веселила бы тебя, -
Чтобы жил ты не скорбя
О превратностях судьбы,
О хорошестьи ходьбы
И о всяческих надеждах.

В белокаменных одеждах
Выйдешь во двор гимназии -
На троих сообрази и
Закусить не позабудь!

И счастливым в жизни будь!

От имени и по поручению всего
детско-родительского и ученико-студенческо-преподавательского
состава Торопецкого Архи-логического Озерлага
сочинили:

Александр О[зерский]	Михаил П[ерлов]
Борис Р[огинский]	Сергей Б
Дмитрий Р	Сергей Ч[истович]
Игорь Б	Яков Ш[апино]

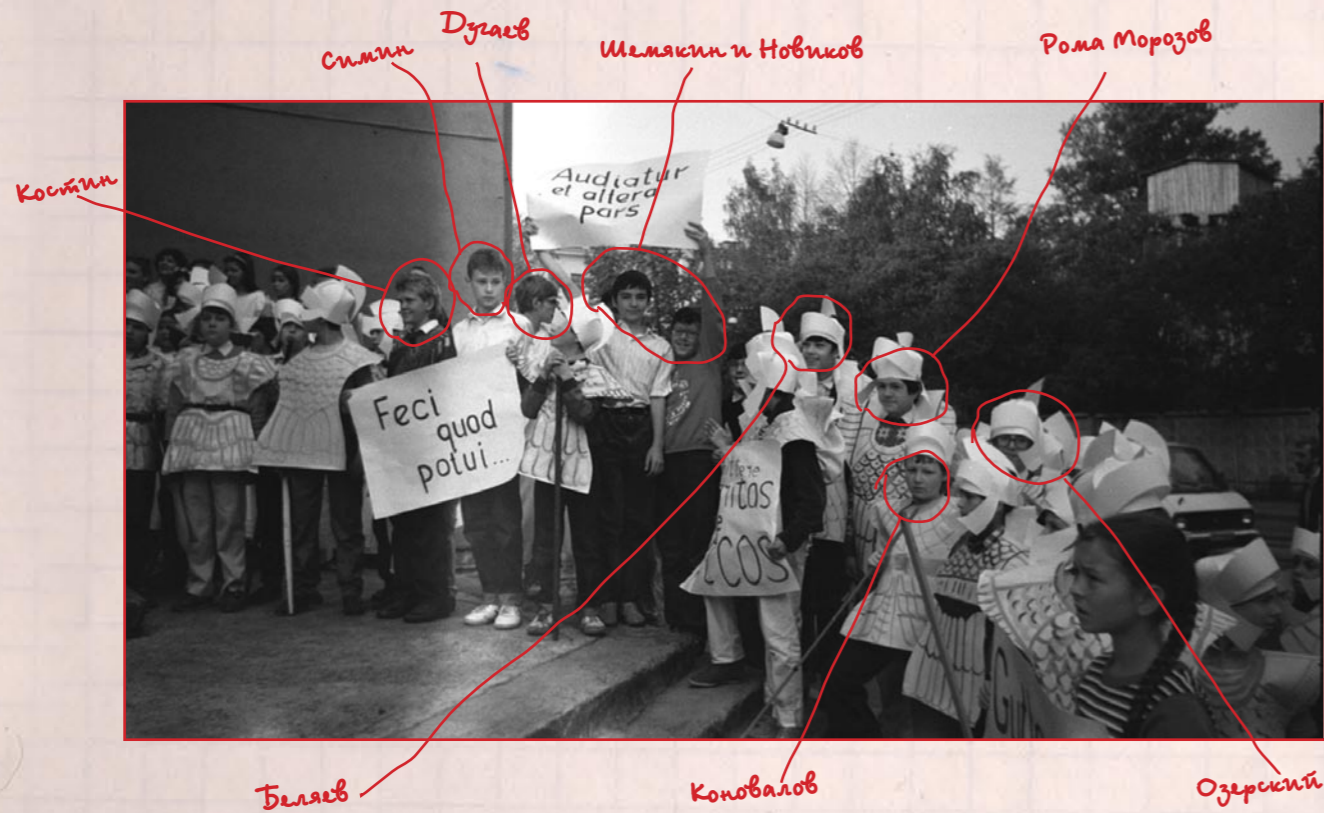
под общей редакцией последнего

В добрый путь по дороге знаний

«Смена», сентябрь 1991

Вчера, не дожидаясь официального начала учебного года, торжественно открылась Санкт-Петербургская классическая гимназия. Гимназисты проходят обучение по классическому курсу — они изучают древние и новые языки, математику, историю культуры. Занятия ведут сотрудники Академии наук, преподаватели вузов. Конкурс при поступлении сюда достигал 15 человек на место.

«Жизнь, прощай, свободная...»

ЭТО было воскресенье, 1 сентября. На проспекте Щорса собралась куча народу — родители с детьми, дети с цветами и журналисты с огромным количеством диктофонов и телекамер. Петербургская Классическая гимназия справляла новоселье. Вице-мэр Петербурга Вячеслав Щербakov перерезал символическую ленточку, гимназисты спели студенческий гимн, и все, что было с новым учебным заведением до этого дня, казалось уже чем-то не совсем реальным ...

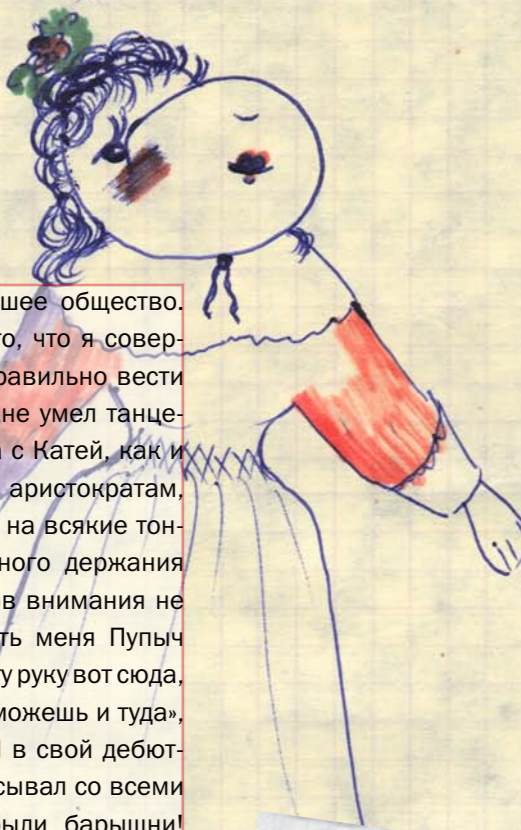
... Жизнь у гимназии, судя по всему, будет долгой. Ибо, по словам самих гимназистов, учиться здесь им нравится, и, даже если завтра вдруг случится чудо и во всех школах начнут учить «так как надо», обратно в свои старые школы они уже не вернутся. Тем более что в гимназии восстановлены все предметы, преподававшиеся в аналогичных дореволюционных заведениях, включая русскую словесность, латинский, греческий, английский, немецкий языки и многое другое. И все это — абсолютно бесплатно...

Что ж, как говорится — больше гимназий, хороших и очень. И дай Бог, чтобы полученное юными петербуржцами гимназическое образование никогда не питало гордыню человеческую, а укрепляло бы дух, ум и ту совесть, которая всегда была свойственна российской интеллигенции и позволяла ей считаться совестью народной...

Балы

Это был билет в высшее общество. Смущало меня лишь то, что я совершенно не знал, как правильно вести себя в свете и вовсе не умел танцевать. К счастью, Саша с Катей, как и подобает истинным аристократам, были демократичны и на всякие тонкости вроде правильного держания щипцов для кальмаров внимания не обращали. А танцевать меня Пупыч выучил в два счета. «Эту руку вот сюда, другую – вот сюда, а можешь и туда» – я освоился сразу. И в свой дебютный вечер лихо отплясывал со всеми барышнями. У нас были барышни! Барышень можно было поддержать за ручку, поговорить о Патрисии Каас или Джоне Ленноне, поиграть с ними в фанты и погадать на картах. Получить приглашение на такой бал было исключительно трудно, Шурик с Катей очень придирчиво оценивали возможности потенциальных кандидатов, и только лучшие из лучших удостоивались заветного тетрадного листочка. Расторопному Пупычу удалось даже заполучить в число гостей тандем знаменитых светских львиц из первого выпуска, т.н. «Святую двоицу» – Настю Лукину и Иру Баденко. Это был триумф! Какие велись беседы, какие закручивались интриги и амурные, какие порхали полунамеки и полувзгляды! И всезнающий Шурик, наш Вергилий в мире любовной науки, после бала объяснял нам значение каждого жеста и слова, обнадеживал меня и вновь ввергал в пучину отчаяния.

Шивы Нахамансону.
Евангелии Шивы
Вы приглашаетесь в осенние 'на-
мичуки на "балу", который будет
проходить дома у Екатерины Друми-
миной, проживающей на проспек-
те Добролюдова, в доме 21, квар-
тире 53. На балу Вас будут
ожидать танцы и уличные экс-
трасивные проессы. Прийти по
вышеуказанному адресу. Дату
и время бала Вы можете
узнать в любой день после 16⁰⁰
по телефону - 143-81-30 (Саша), или
66-232-59-47 (Катя). Ждём Вас
на предстоящем балу.
Ваш
Бат

ЗДЗЗЗ, ПЕЩ

Листок для светских людей.

! СЕНСАЦИЯ ! (из ЦИКА ^{ведется следствие})
Недавно в Пайхбурге открылась выставка замечательных шедевров из-
вестных Бэггийских и Бэйлийских художников.
На открытии присутствовала мэр Пайхбурга с женой и дочерью. Презентация
проходила отлично, экскурсия высокопоставленных особ длилась около 2х
часов. После нее предполагался званый ужин в лучшем зале Дворца
Бетемотых искусств. Но произошло непредвиденное: когда путешествова
выставка подходило к концу, экскурсантам
было предложено увидеть иттомичку выстав-
ки - одну из любимых картин дочери мэра -
"Бэггиска с арбузами". Каково же было
изумление посетителей, когда на месте
назначенного полотна ничего не оказалось.
Директор музея в тяжелом шоке доставлен в
Пайхбургский госпиталь №1. Слухи о в
сметении. Эксперты-специалисты счита
ют, что при такой супер-анализации
АБ-93 украсть картину было невозможно.

Освежающий напиток
* * * Пирго!
* * * Pigo?
* * * Pigo!
Вот тебе
чашка
Пирго!

Это хорошее настроение в жаркий день

В ЛАРЬКАХ, КИОСКАХ
по пути
Красочные
экраны
и т.д.

Литературная Страничка

Великий ненормандский поэт Танхил Дебилович Придуркевич родился в 1978-9 году. Всем известны гениальные плоды творчества этого неординарного поэта, но мы знаем его ещё и как писателя-прозаика. Кроме стихов, из которых наиболее известны «К Бэгни», «Гроза», «А я ещё тебя люблю» и «Юность», он написал несколько рассказов и романов («Леди Бэ из Катусс-Холла», «Кровавая роза» и «Роза в подземелье»). В ближайших номерах нашей газеты мы познакомим вас с одним из них, а сейчас - новое стихотворение!

Ты вышла в серьгах с бирюзой
И села на крыльце.

Кристалльно чистой слезою
Сиял брильянт в кольце.

Колье на солнышке сверкало,
А ты, стуча ногой,

Тихонько птицам подпевала -
То этой, то другой.

Была в простом ты платье
Белом,
Расшитом серебром,

Читала книжку, между делом
Потягивая ром.

И, притаясь в саду зелёном
Среди кустов густых,
Я наслаждалась тихим
Звонком
Браслетов золотых...
(1992)

Кактус!
 В следующий раз, когда будешь
 писать стихи, вместо шмля "Бегги"
 поставь микротоме, это будет лу-
 ше и для тебя и для Бегги.

Имя,
 Поужинаем тогда с Павлом
 Чером и Т.А. Там у нас
 краешек и вообще дача
 пометка
 Угадай, кто.

МЕНЮ ГИМНАЗИСТА

Батон.
 Батон - это хорошая и дешевая закуска к спиртному. Он прост в употреблении, не требует ни столовых приборов, ни приготовления, делится на любое количество участников и всегда вписывается в бюджет. Батон - наш ответ селедке, сухарикам и колбасе. Используйте батоны, друзья!

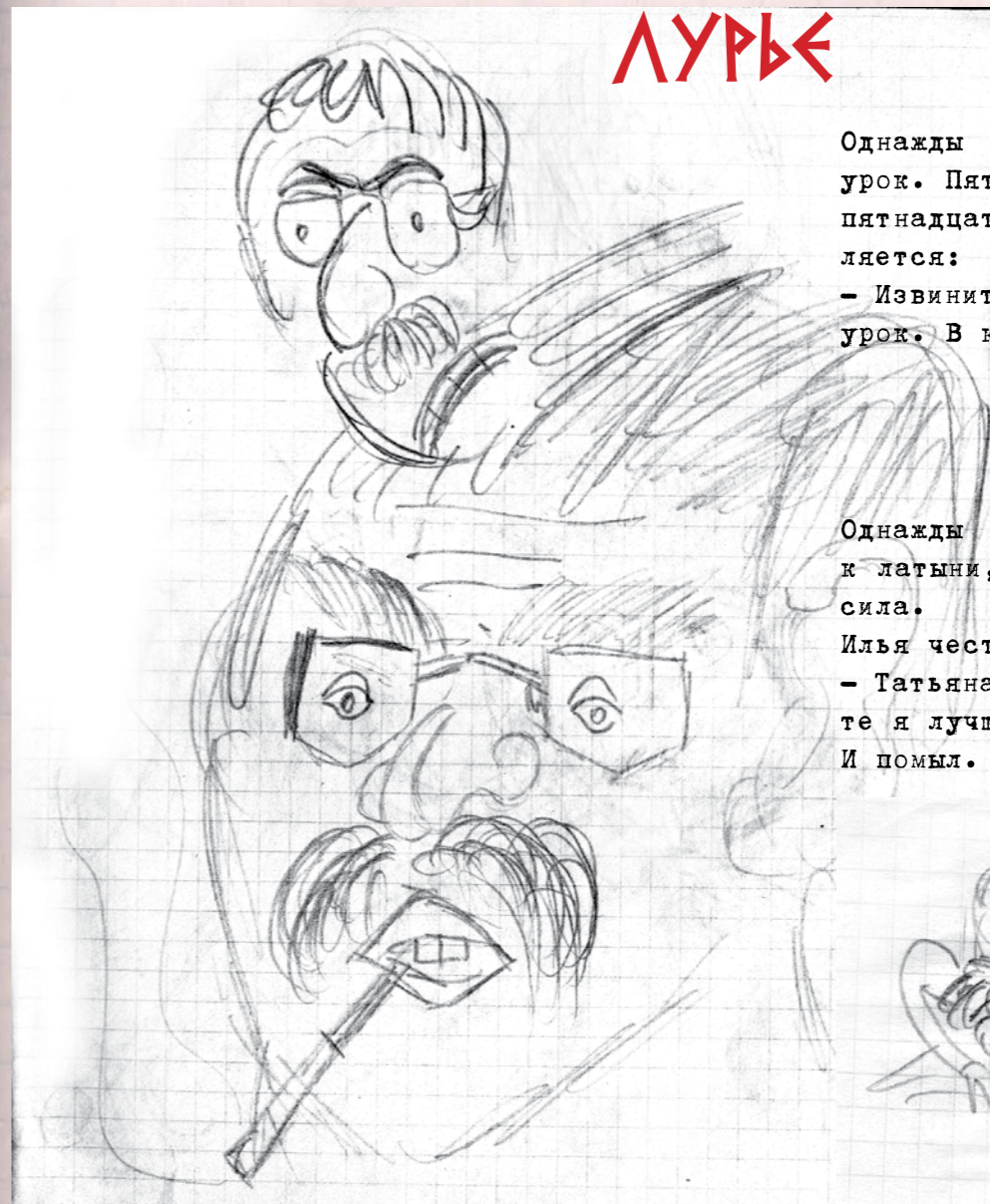
Булочка.
 Булочка - ключевой элемент гимназической гастрономической истории. Булочки существовали с самого появления в гимназии кафе и, даст бог, останутся навсегда. Настоящая Булочка должна быть с корицей; возникший позже вариант с сахаром и изюмом - это, конечно,

уродливая мутация. Что уж говорить про пирожки с рисом и прочие выпечные изделия, обыденные продукты общепита... Булочка - социально важное блюдо. Никто не возьмет тарелку супа на двоих или котлету на четверых; но одна булочка на двоих, троих и даже шестерых - символ настоящей гимназической общности (не обязательно дружбы: разделить булочку могут, например, два вполне равнодушных друг к другу одноклассника). В определенном смысле булочка для младшеклассников заменяет Пиво и Сланчев Бряг (см.), доступные их старшим товарищам. К сожалению, с ростом цен на нефть финансовые возможности гимназистов растут, и объединяющая роль булочки падает.

Бутерброды.
 Одни вовсе не носили в школу завтраки. Другие носили что-нибудь загадочное в пластмассовых коробках - домашние макароны по-флотски или котлету с кашей.

Но бутер - это универсально. Во-первых, можно сделать несколько разных, например, с сыром, с колбасой и с ветчиной - по паре каждого типа. Во-вторых, можно поделить с соседом. И главное - бутер можно тайком съесть на уроке, прячась от учителя под партой и давясь от смеха. Все смотрят на тебя, хихикают и немного завидуют, а учитель не понимает, отчего шум в классе.

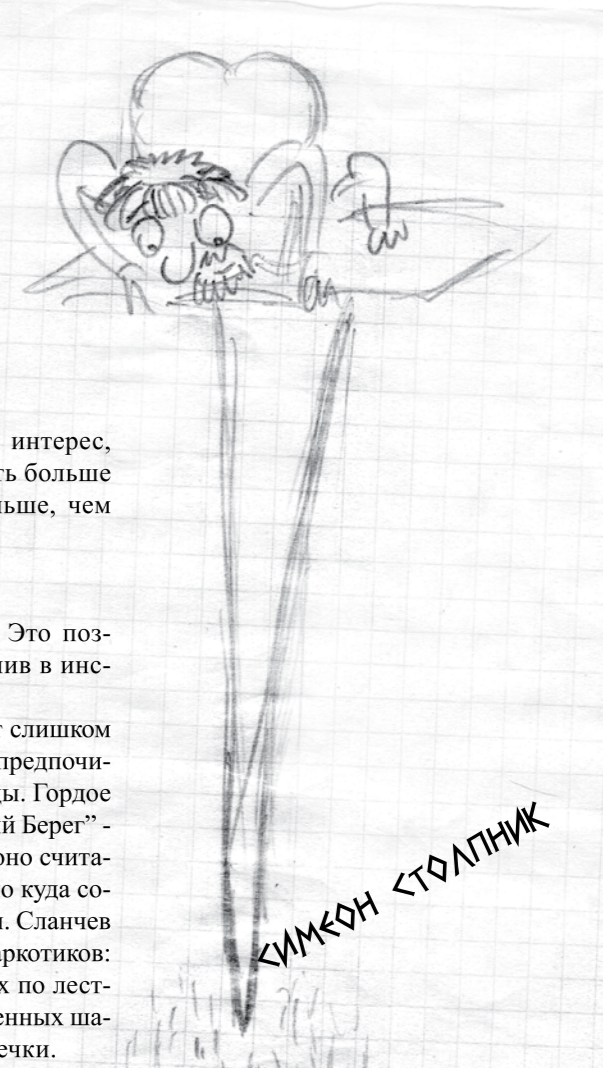
Шоколад.
 Шоколад употребляется либо как дополнение к Батону (см.), либо для укрепления умственных и физических

ЛУРЬЕ

Однажды Лев Яковлевич опоздал на урок. Пять минут нет его, десять, пятнадцать... Через полчаса появляется:
 - Извините, - говорит. - Забыл, что урок. В кино пошел.

Однажды Нахмансон не подготовился к латыни, а Т.А., как назло, спросила.
 Илья честно говорит:
 - Татьяна Санна, я не готов. Давайте я лучше пол помою!
 И помыл. На пятерку.

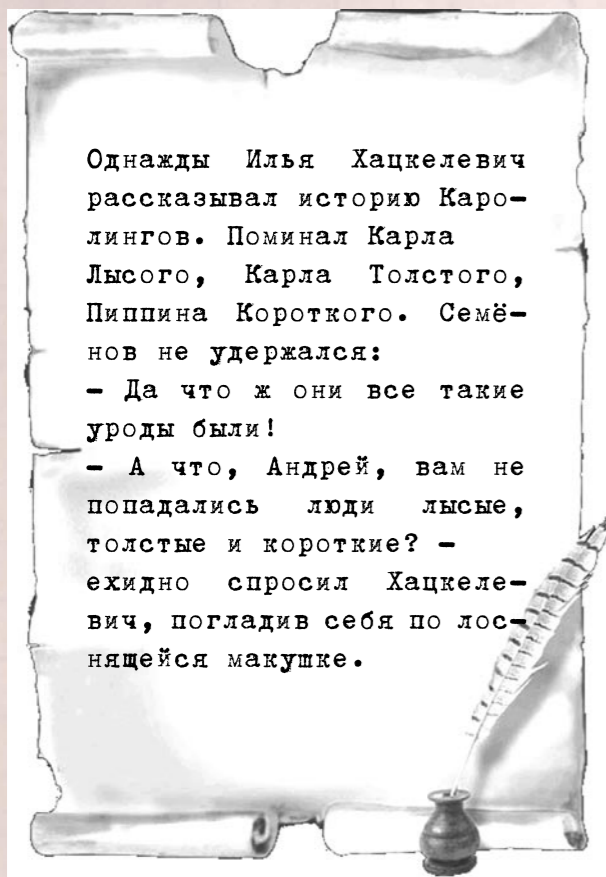
ГИМНОН СТОЛПНИК

сил гимназиста. Он помогает учить предложения, готовиться к экзаменам, решать задачи. Особенно шоколад удобен тем, что его можно употреблять непосредственно на уроке или экзамене. В связи с этим шоколад можно рассматривать как шпаргалку и запретить его использование; пока, однако, администрация на такие меры не идет.

Пиво.
 Взрослые люди используют пиво для прохладения организма и запивания обедов и футбольных трансляций. Несовершеннолетний гимназист же рассматривает пиво как источник алкогольного опьянения. Особенно ценится темное пиво, например, Балтика Портер: от него быстро пьянеешь и потом сильно тошнит. Светлое

пиво представляет меньший интерес, поскольку приходится тратить больше денег, и вообще уснешь раньше, чем напьешься.

Сланчев Бряг
 Гимназист не жалуется водку. Это позже, закончив школу и поступив в институт, он налегает на нее. В школе слово "водка" звучит слишком грозно, поэтому гимназисты предпочитают менее популярные бренды. Гордое болгарское бренди "Солнечный Берег" - из таких. Среди гимназистов оно считалось коньяком, и пить его было куда солиднее, чем набираться Пивом. Сланчев Бряг дает эффекты, как от наркотиков: начиная от катания на роликах по лестнице, и кончая пусканием огненных шаров при помощи чайника и свечки.

Я напротив труда также награду попрошу, чтобы меня от взоров плохих, которые наша жизнь видит столько лет, верно так долго, пока всей душой возобновив, прямее повернусь, несведущий всех забот, которые когда я буду писать, даже если и не отклоняет душу от правды, однако может сделать встревоженным.

перевод латинского текста

Маленький мальчик латынь изучил,
 Овидия ночью он переводил.
 Мама наутро к сыну пришла,
 Овидия в ручке холодной нашла.

Шпаргалки

Пушгоры

В Пушгорах было совсем хорошо. Мы таскали глину – это называлось «реконструкция Михайловского» ... или Петровского ... не помню уже.

Самое запоминающееся в Пушгорах – это облавы ТВ и ТА с целью изъятия у нас контрабандного кипятильника. Почему-то кипятильник там считался опасным проявлением вольнодумства.

Сначала мы жили в маленьком одноэтажном коттеджике. У него была входная дверь и балкончик-веранда с обратной стороны ... И вот в один из первых вечеров сидим мы в этом домике, пьем чай с сахаром, приготовленный с помощью запретного кипятильника, и наслаждаемся любительской театральной постановкой «Гиви Муртазович в гостях у передачи «Спокойной ночи, малыши» (в главных ролях С. Никитин и мой свитер). Тут раздаётся громкий стук в дверь, и Татьяна Владимировна кричит: «Мальчики, немедленно открывайте!». В это же время Татьяна Александровна, как заправский омоневец, запрыгивает на балкончик через перила и пытается пролезть в форточку. Но дверь, слава богу, закрыта, и пока мы ее открываем, кипятильник удается выбросить в траву через другое окно. Далее следует сцена «Партизаны на допросе»:

- Где кипятильник?!

- Кипятильник? Какой кипятильник? [недоуменно]

- У вас нет кипятильника? А откуда тогда чай в стаканах?

- Чай? Не знаем ... сам пришел. [с циничной ухмылкой]

- Ладно-ладно ... [зловеще]

Но это еще не все ... Потом нас переселили из коттеджа в обычный корпус турбазы. Вместе с нами, естественно, переехал и кипятильник. И вот, солнечным утром, как водится, шага на лестнице, стук в дверь, «Мальчики, немедленно откройте» ... Комната крошечная, суровый облик с пристрастием, осмотр газона под окном ... безрезультатно, ибо пылливый ум гимназиста дошел до того, чтобы хранить кипятильник вывешенным за балкон через щель под его ограждением. Наша гордость по поводу

собственного хитроумия и изобретательности не знала границ. Пылливый читатель спросит: «Неужели вы ездили в Пушкинские Горы для того, чтобы прятать кипятильник?». Ничего не ответим мы пылливому читателю

Нахмансон, Чистович, Семенов:

Миша Перлов устраивал ролевые игры. Каждый желающий мог примерить на себя шкуру гнома, эльфа или даже хоббита. Надя Козловская охмурила эстонца. Все девочки завидовали Наде. Чистович как всегда заблудился. Винни выиграл ножик Сергея Довлатова. Все мальчики завидовали Винни. А Маша Курчашова выиграла бусы. Боря Рогинский с Николом Никифоровым ночами напролет обсуждали Толкиена. Нахмансон ел клубнику, разул Анну Михайловну и выиграл у нее на спор банку сайры, которую она так и не отдала.

У Пупынина случился приступ лунатизма. Одной ночью ему вдруг приснилось, что он спит не в своем коттедже. Встав с кровати, он оделся и вылез в окно. Подошел к соседнему домику, залез на балкончик, открыл широкое окно и вошел в комнату. Приблизился к кровати, которую считал своей. И – о ужас! – в кровати лежала Караськова. Опустим завесу целомудрия над концом этой сцены.

Лев Лурье опробовал на гимназистах игру «Интеллектуальный бой». Загаданные им длинные слова нужно было угадывать по частям. Всем нам памятна его загадка «Красивый крик вороньего карканья = маленький жовиальный брютет».

Женя:

От Пушгор должны были остаться наши рисунки о том, как мы жили в домиках. В нашем домике было две комнаты. Маленькую мы отдали девочкам: Наде с Катей, а большую взяли себе. В комнате было четыре кровати и шкаф. За стенкой жила ТВ. Периодически она заскакивала к нам и говорила, что ей не уснуть, потому что мы громко смеемся. Мы старались смеяться тише, но от этого становилось только хуже.

Однажды утром мы проснулись, и нашему удивлению не было пределов, потому что из комнаты девочек торчали четыре огромные волосатые ноги.

«Что это за ужас?» – вскричали мы и заглянули в комнату. Оказалось, что приехали «бэга» и вместо Кати и Нади с нами стали жить Тигор и Лепус. Недолго, потому что нас переселили всех в отдельные номера.

Посередине дома отдыха стоял фонтанчик. Аня первая пошла помыть ножки после прогулки, упала туда и помылась вся. Чтобы доказать подругам, что только полный идиот может поскользнуться в фонтане, Машка Курчашова гордо сняла обувь и начала ходить по дну фонтана. Вскоре она распласталась лицом вниз. Третьей жертвой пала Ольга в новой красивой юбке. Катька тоже там повалилась.

Машку укусила лошадь. Машка пришла без плеча, кровь хлестала фонтаном, а на лице светилась блаженная улыбка: «Представляете, я к ней подошла погладить, а она меня кааак куснет!» Мы бросились к Амплитуде за помощью. Она тоже не испугалась, предложила замазать укусы зеленкой.

Женя с Аней отравились колодезной водой. Аня в колодце увидела жабу и ее стошнило. Женя поняла, куда ветер дует: завтра, пока гимназисты будут вкалывать в Михайловской библиотеке (или где мы там книги переставляли?), Аняка выспит, почитает книжку (как сейчас помню, мы купили книгу «Рабыня Изаура») и прекрасно проведет день. Этого Женя допустить не могла, поэтому выпила два литра колодезной воды залпом. Ей стало действительно плохо. Следующий день Аня с Женей читали «рабыню Изауру» вместе.

К ним в гости пришел мальчик, сын физкультурницы, с морской свинкой. Мальчик ушел, а свинку оставил. Так они и спали втроем на кровати: Аня, свинка и Женя - до прихода товарищей.

А еще хотелось публично покаяться. Оля привезла с собой куклу барби, а мы с Анькой ее сломали напополам, а потом долго приставляли друг к другу половинки этой чертовой куклы.

ГИМН ЮРЬЕВУ ДНЮ

1. Отвлечемся от века VIII-го,
Отряхнем его прах с рук и с ног.
Чужды нам его древняя мова,
Бой горшков и дырявый челнок.
Мы пойдем к нашим серым палаткам,
Мы к дежурным по кухне придем,
Пайку с первым, вторым и со сладким
Заслуживши совковым трудом.

ПРИПЕВ:

Вставай-подымайся, копун-гимназист,
Айда на раскопки, копуши!
Раздайся клич, режущий души:

“В грязи -
ползи,
грызи,
грузи,
вези !”

2. В древний Нов-город нас пригласили
Докопаться до самых корней.
Будем рыть, пока ползать мы в силе,
Бравый сорок девиц и парней!
Куб саженный культурного слоя
Нам по косточкам - тьфу! - разобрать;
И восстанет из праха былое:
Смерд, посадник, и вече, и рать...

ПРИПЕВ.

3. Вольный стан
на берегу скромной Прости,
Крыш сермяжных неброский посад -
Стол наш дешев, досуг очень прост и
Калачи на сучках не висят.
Но не сыщешь меж нас рожи хмурой -
Всюду песни, и игры, и смех -
Бо нам любо смешаться с Naturой
Без условностей и без помех!

ПРИПЕВ.

Новгород
08-24.06.93

Десять Негритят!

ДЕСЯТЬ НЕГРИТЯТ
РЕШИЛИ ПООБЕДАТЬ.
ОДИН ОТРАВЛЕН СВЕКЛОЙ БЫЛ,
И ИХ ОСТАЛОСЬ ДЕВЯТЬ!

ДЕВЯТЬ НЕГРИТЯТ,
ПЛАКАТЬ ВАС НЕ ПРОСИМ,
РЕШИЛИ ПОСМОТРЕТЬ TV
И ИХ ОСТАЛОСЬ ВОСЕМЬ!
ВОСЬМОЙ НЕГРИТЁНОК,
ЧОКНУВШИСЬ СОВСЕМ,
ПОШЁЛ ПОПЛАВАТЬ У ДОСКИ,
И ИХ ОСТАЛОСЬ СЕМЬ!

ПОШЕЛ ОНИ В ЗВЕРИНЕЦ,
НО ЛЬВУ ХОТЕЛОСЬ ЕСТЬ...
НЕ НАДО СЛЕЗ, РЕБЯТА,
ИХ ОСТАЛОСЬ ШЕСТЬ.

НАШЁЛ ТРИПАНОЗУМУ
ШЕСТОЙ, И ДЯГУЛЯТЬ,
ЗАСНУЛ И НЕ ПРОСНУЛСЯ -
И ИХ ОСТАЛОСЬ ПЯТЬ.

ПЯТЫЙ ВЁЛЬВУ УВИДАЛ,
К НЕЙ ПОБЛИЖЕ ПОДБЕЖАЛ,
И В НАШЕМ БРЕННОМ МИРЕ
ОСТАЛОСЬ ИХ ЧЕТЫРЕ.

ЗАДАНИЕ БОЛЬШОЕ
УЧИТЕЛЬ НА КОНТРОЛЬНОЙ ДАЛ.

ПОД ПАРТОЙ НА УРОКЕ
ЧЕТВЕРТЫЙ УМИРАЛ!

ТРЕТИЙ НЕГРИТЁНОК
РЕШИЛСЯ ОТДОХНУТЬ
НО ТОЛЬКО ПОДОШЕЛ К ТАХТЕ,
И В НЕБО - ДОБРЫЙ ПУТЬ!

СВЕРКНУЛО „Easy Reading“
ОПАСНЫЙ ЗВЕРЬ ПРОСНУЛСЯ!
ВТОРОЙ НАШ НЕГРИТЁНОК
УШЕЛ И НЕ ВЕРНУЛСЯ!

ПОСЛЕДНИЙ В ШКОЛЕ ВЫЖИЛ,
НО ЛИШЬ ЗАЛЕС В ТРАМВАЙ,
КАК ТОЛСТЫЙ ДЯДЯ ЛОКТЕМ
ЕГО ЭТ ПРАВКИ В РАЙ!!!

М.А.М.С.

Новгород. Раскопки

В Новгороде была большая пустая яма, в которой ничего не было. Там не было даже раскопа, и мы копались в отвале. Кто решил, что этот отвал может содержать что-то археологически ценное, мы не знаем – этого человека мы тоже не видели. На этом рассказ о научном содержании экспедиции можно и закончить.

Бытовая сторона экспедиции выглядела так: каждый день основная часть нас отправлялась на раскоп, оставив в лагере несколько дежурных.

Возможность остаться на дежурство изрядно скрашивала экспедиционные будни, потому что дежурные могли совершить настоящий подвиг, надраив до блеска котлы (И. Нахмансон и Д. Лурье), утопить котлы (В. Смирнов), поехать на грузовике за дровами в лес (Д. Дугаев и А. Семенов).

Свободное время также давало некоторую возможность развлечь себя: опытный обольститель Саша Пупынин познакомился с местными девочками и даже привел их в гости в наш лагерь, а Саша Танхилевский, которому познакомиться с девушками не удалось,

ходил топиться в Ильмень. Ильмень был слишком мелким, утопиться не вышло. Кроме этого, мы играли в пионербол и пели песни под гитару.

Лучшими гитаристами были Даня Лурье и Женя Потапов. В Новгороде были сыграны первые серии мексиканского сериала о доне Мерзавесе (Л. Лурье) и его дочери Марии с зелеными усами (М. Нецветаева). Этот сериал с успехом шел на сценических площадках гимназии в течение нескольких лет. По ночам с дальнего берега реки раздавались непонятные звуки, гимназисты с завистью говорили, что это гуляет сельская дискотека.

Филиппов Никита, Е. Б., Миша Жгудь

А еще мы плавали куда-то на катере. Дядя штурман давал всем по очереди поручить. Инструкция была простой: «держать руль прямо и никуда не сворачивать, а то кого-нибудь смоеет в озеро».

Л. Лурье рассказывал о местных достопримечательностях, мы побывали в Николе-на-Липне, каком-то монастыре. Лев Яковлевич, давайте съездим туда еще!

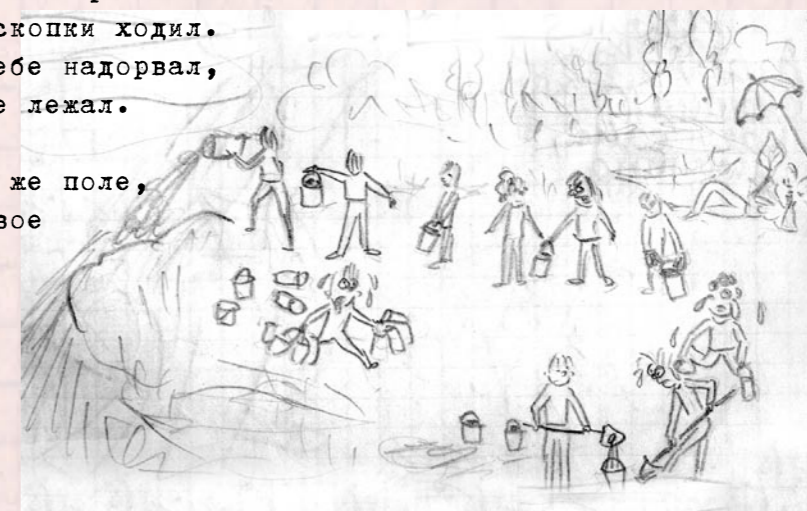
А И. Нахмансон с Д. Лурье должны были дежурить в воскресенье, единственный выходной, когда все гимназисты собирались съездить развеяться в город. Потрясенный этой ужасной перспективой, Лурик-младший задейс-

товал административный ресурс в лице Льва Яковлевича. Вместо нас на воскресное дежурство были назначены Дугаев и Семенов. Ускользнув от их праведного гнева, Лурье с Нахмансоном вскочили в автобус и укатили в Новгород.

Вернувшись, они заманчиво рассказывали о молодежном клубе «Элита», члены которого играют в «бутылочку». На следующих выходных, в поисках этого клуба гимназисты обшарили весь город. Увы, больше никому его найти не удалось.

Нахмансон,
Чистович,
Семенов

Маленький мальчик в лагере был
И каждый день на раскопки ходил.
На ведрах животик себе надорвал,
И, умирая, в палатке лежал.

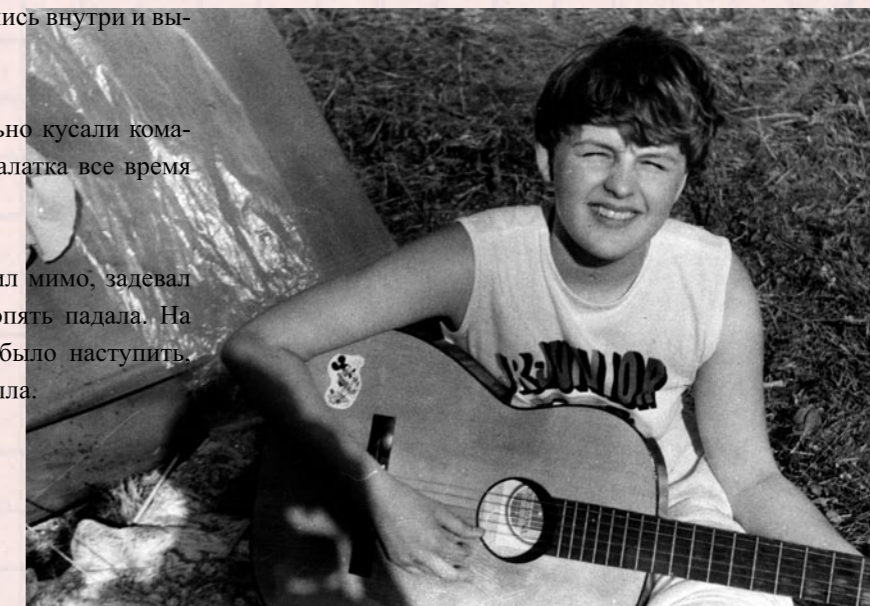

Его акапали на этом же поле,
И урожаи выросли вдвое

Мы жили в очень маленькой палатке. Когда мы ее поставили, мы даже не могли туда залезть. Потом мы залезли, и даже занесли туда свои вещи. Только ноги никак не помещались внутри и вытарчивали наружу.

Ночью нас очень сильно кусали комары, мы вертелись, и палатка все время падала.

Иногда кто-то проходил мимо, задевал нашу палатку, и она опять падала. На нашу палатку можно было наступить, такая маленькая она была.

Это наш лагерь.

Внизу затесалась палатка Потаповой и Киселевой

лить спичкой четыре мокрые палки. Для имитации ветра следует включить вентилятор.

Ситуация усугублялась тем, что Андрей Игоревич наблюдал за нами через открытый вход палатки, читал книжку и, когда ветер слегка разгонял туман, отпускал добродушно-ехидные комментарии типа «Ищите и обрящите», «Москва не сразу строилась», «Хорошо, но не очень» и т.д.

Мы перепробовали все известные способы раскладывания мокрых веточек: шалашиком, колодцем, нодьей, горкой с укрыванием конструкции спальниками и собственными телами от дождя и ветра. Тигор предлагал огню сахара, и все мы исполняли шаманские пляски и завывания – всё это изрядно веселило Андрея Игоревича и совершенно не трогало духов огня.

В итоге успех нам принесла оригинальная методика, заключающаяся в том, что на тлеющий огонек навалили гору мокрых веток, а затем все отвернулись и стали хором кричать: «Чтоб он потух этот огонь! Давайте завалим его ветками! Так ему, сволочи, и надо». Огонь загорелся, а списать на него десять кусков сахара Андрей Семенов опять отказался.

Как мы спускались к морю

С Караби-Яйла нам нужно было спуститься на Ай-Алексий. Это знаменитый, овейный легендами приют со святым источником. Спуск представлял собой крутой лесистый склон, покрытый толстым ковром старых листьев. Спускались мы, естественно, траверсом (см. выше). Группа растянулась. Периодически по склону проносились камни, брошенные рюкзаки и неудачливые гимназисты. Для того, чтобы предупредить идущих впереди об опасности, всегда почему-то кри-

чали: «Камень!» - будь то действительно камень, Колин «Ермак» или даже Кроша.

Для справки: Станковый рюкзак «Ермак» в туристских кругах называют «убийцей». У него на станке (металлической раме) есть специальная перекладина, которая при случайном падении норовит сломать носильщику шею. Тогда я этого не знал. Как и Коля.

На Ай-Алексий Андрею Игоревичу стало плохо. Елизавета Борисовна лечила его, а нас выселили из палатки на улицу (в одной палатке с Андреем Игоревичем мы оказались благодаря «уплотнению» в связи с утратой «палатки имени Ромы Морозова». Спасибо, тебе, Рома). Мы лежали в спальниках у костра, смотрели на звезды и истерически смеялись над Анекдотом про Холмса и Ватсона, у которых украли палатку. Поход заканчивался.

Как мы уезжали

Благополучно добравшись до Алушты, мы разбили лагерь у берега моря в нескольких километрах от города. Если будете в Алуште, пройдите вдоль моря на восток и выйдете из города через тоннель. Идите дальше по берегу вдоль огороженных пляжей. За последним из них начинаются холмы. Там карликовые деревья скрючились от пожара. Они хранят память о ноге Ромы Родионова (см. ниже).

Мы ходили в Алушту «в увольнение» - пить молоко с буханкой хлеба. Дежурные направлялись туда же «на промысел» - клянчить воду, которой на месте стоянки не было. Близилось время отъезда.

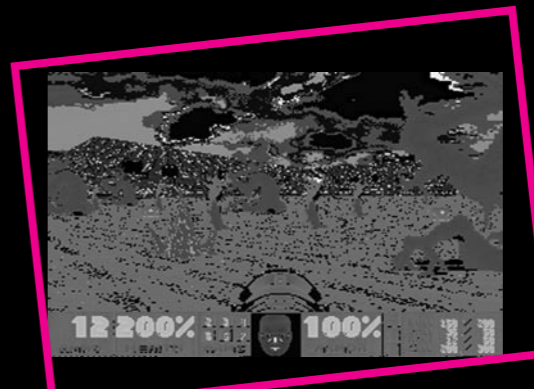
Ехал обратно я один (билеты на всю группу в сезон было не купить). Весь вагон почему-то проникся ко мне жалостью, кормил и поил. Так закончился Первый Крымский Поход.

Dumnasium

История: уровень сделан Димой Жемеровым в период повально-го увлечения школой и старшими выпусками в особенности игрой Дум 2. Младшеклассники, видимо, тоже страдали этой болезнью, да кто же и к компьютерам пустит! Самим-то добраться бы, а то, как сказал поэт, входит в класс товарищ Жмудь, на Reset ребята жмут. Баловство это все. И однако по возможности играли. У Олега Юрьевича была «четверка», у остальных стояли «тройки», для второго дума разница огромная, приходилось компенсировать мастерством. Самыми лихими стрелками были Даня Дугаев и Даня Лурье, на прошедшем в 1995 году чемпионате школы по Думу они вышли в суперфинал и мочились до пятидесяти фрагов. Выиграл не помню кто.

Описание: второй этаж гимназии, черная лестница закрыта, есть только курилка. Парадная лестница ведет к двери во двор. Геометрия помещений соблюдена точно, из окон компьютерного класса видны 20 и 22 кабинеты. Вместо улиц Красного Курсанта и Щорса

выжженные полосы, как и должно быть в мире будущего. Во дворе деревья из девяносто пятого. Очень натурально вышел забор. Огромное количество телепортов, это затрудняет погоню и дает большие возможности неопытным игрокам. Опять же, удобный способ перемещения, по слухам, инициативная группа гимназистов уже подала запрос в Совет Гимназии об устройстве телепортов в гардеробе и физкультурном зале. Потайных комнат нет.

Что посмотреть: кровавые потоки на стенах и детские трупы в кабинете директора. Там же загадочная пентаграмма. Портрет Гитлера в 22 кабинете. Пугающий темнотой учительский туалет и самое загадочное помещение в школе: каморку в стене рекреации, где, как выяснилось, хранится заветный дедушкин гранатомет.

Что сделать: если вы проходите уровень в демо-режиме, попробуйте такую штучку. Встаньте в 22-ом кабинете у окна. Прицельтесь из гранатомета в третьем слева от вашей стенки окно компьютерного класса. Стреляйте и жмя изо

всех сил на Shift бегите к телепорту в углу комнаты. Вы выскочили из портала рядом с «четверкой» Олега Юрьевича! Если прицел был точен и вы были достаточно быстры, выпущенная вами ракета шархнет вам прямо по голове. Game over.

Что не делать: одной из самых красивых примочек уровня была потайная дырка в заборе, через которую можно было добраться до БФЖ. Увы, со временем дыра оказалась завалена, или мы растолстели, но протиснуться в нее не удастся, машина зависает.

Have fun!

Фалластер

Фалластер возник классе в девятом или десятом. Его название, как слово-бумажник Шалтая-Болтая, состояло из двух слов: «фаланстер» – утопическая коммуна, про которую главный идеолог движения, бывший хунтовец Демочка вычитал у Филдинга, и греческого φάλλος. Членами фалластера были четверо человек: Демочка, Ромочка, Коновалов и Юрик. Об уставе и задачах этого общества известно немного, это была полуполюгальная секта, исповедовавшая культ Приапа. Обрядовая сторона включала в себя регулярные замеры φάλλων сектантов, эти данные записывались в храмовую книгу и сопоставлялись. У каждого фалластерца была своя «лампочка». «Лампочка» – это объект поклонения и личная собственность, муза и раба. Фалластерцы были убеждены, что связаны с «лампочками» неразрывной нитью и составляют с ними единое целое. Так Коновалов поклонялся Ане Киселевой, а Юрик – Оле Караськовой (добавь что-нибудь про Way to go Conan in love with Kiseleva!). К сожалению, ни одному из членов фалластера так никогда и не хватило смелости рассказать об этой удивительной высшей связи самим «лампочкам», поэтому их идолопоклонничество так и осталось духовным и дистанцированным. Рупором фалластерской мысли была маргинальная вокал-группа «Вещий Лёльга», породившая такие хиты, как «Идиотики в строю» и «Фанаты мультлото». Авторами текста был Конан, основными вокалистами – он же и Ромочка. До нас сохранились только разрозненные отрывки их творчества:

Ваккельпудинг - это круто
Ваккельпудинг - это tough
Ваккельпудинг - это круто
Я хочу её сейчас!

Идиотики в строю,
Захотелось - я пою

Мы фанаты мультлото
Ты Веснушка, я Тото
Мы фанаты...
Мы фанаты...
Мы фанаты мультлотоооооо!

Comments: Как же! Помню я это поклонение! Мы с Киселевой целую четверть на информатике пытались сделать документ "Way to go Apple". Мы затратили немислимые усилия на это задание. И вот - финальный урок, нужно сдать работу. Мы открываем свой шедевр и видим на экране надпись "Way to go Conan in love with Kiseleva!"

И больше не ёх-
И летуное шивь!
- Чистовиз, Чистовиз,
Куда ты летимь?
Взлети ты забросим
Родной коллектив?
Таков Коробковей
Был ритиватив.
Отвечим Чистовиз:
- "А воздух люблю,
Без воздуха сам
И себе позудлю"
Далим из окошка,
Юдишый наш друг,
Рядом вопши
Хор удитых подруг

- Но нет, не вернусь я
К проклятой земле,
А луше я буду
Летать во мие
Трусеть о своей
Очень грустной судьбе,
О нет, ~~никогда~~
Не вернусь я к тебе!

Что тут можно
сказать?

Леп кажется уже шове-
лится, но шибает это
сдором. Пимите сир.

Тиг. вегетинар
Автограф Сф

Литературное задание о С.Я. Чистовизе.

Однажды Кипнис рассказывал о войне 1812 года. Живописал нелегкое положение французской армии.

- Фортуна повернулась к французам спиной... - сказал он и выжидающе замолчал.

- И они не преминули этим воспользоваться, - не долго думая, выпалил Винни.

К Винни:
Испытал ты много мук
Из-за пресловутой Гук,
Но теперь как мальчуган
Крутишь с Левиной роман.

Монетки

В «монетки» играли только на столе, причем на учительском. Обычно в отсутствие учителя. Несмотря на название и спортивный инвентарь игра не велась на деньги. Как только звучал звонок на перемену, и преподаватель выходил из класса, все мальчишки мигом облепляли учительский стол, сжимая в ладошках монетки. Номинал и размер значения не имели. По сигналу все запускали монетки так, чтобы они, вертясь на ребре, двигались по поверхности стола. Способов запуска существует ровно два с половиной, попробуйте сами. Суть заключалась в том, чтобы а) выбить монетку соседа со стола или б) стукнуть своей монеткой по чужой так, чтобы, когда вращение обеих кругляшей закончилось, твоя монетка упала позже. После первого все последующие запуски осуществлялись с места остановки монеты. Количество игроков было не ограничено. Стратегий было миллион, можно было отсижи-

ваться в своем углу, выжидая, пока все противники укокошат друг друга, можно было агрессивно вышибать всех со стола, рискуя самому вылететь за поле, заключать временные союзы и тут же их нарушать, можно было запускать монету изо всех сил, а можно было лишь чуть-чуть ее крутануть, а потом, когда она падала, добить врага на излете. Были любители огромных юбилейных советских пятирублевиков и специалисты по «копеечкам». Я лично чаще всего играл монетой в два польских злотых, которая идеально сочетала долгие вращаемость и неупадаемость. Учителей, конечно, злило такое непотребство на рабочем месте, они конфисковывали весь инвентарь, стучали кулаками и запрещали «монетки» в административном порядке. «Опять они тут порнографией занимаются», – шумел Жмудь.

И.Н.

«В Вестерштеде у школы остановились, а там – толпа немцев. Ну мы вышли, поздоровались. Они потащили нас в свое кафе и накормили каким-то пирогом, а их директор еще и речь толкнул, на немецком. Мы ничего не поняли, покивали головами. И нас повезли по домам. Женя жила у Яны. В большом и очень холодном доме. Аня у Силки в теплом доме, зато там экономии воду и не разрешали мыться в ванной. Жемеров Дима жил у мальчика, которого звали что-то типа Шницеля, Атари – у Хауке. У них в доме была куча народа, какие-то братья, бабушки, родители. Кейер Денис жил у Хайне в том районе, где жителей считают слабоумными и рассказывают о них анекдоты. А Осетинский жил у девочки Сары и постоянно таскал ее играть в футбол... В четверг у нас была латынь. Учитель и не ожидал, что мы знаем так много латинских стихов, офигивал весь урок. Потом у нас был английский, потом немецкий. Мы играли в эрудит... В субботу мы с Хайне, Хауке и Шницелем поехали любоваться современным искусством. Художник решил соригинальничать и все картины повесил вверх ногами. Еще там были скульптуры, тоже странные. Насмотрелись мы на музей и

Германия. Осень

пошли гулять по городу. Трех немцев занесло в какой-то плавучий ресторан, где они всем нам заказали «апфели». Официант принес нам по огромному блину с яблоками. Не обрадуешься. Мы еще только первый кусочек отрезали, смотрим – а Шницель уже свой блин оприходовал и с аппетитом зыркает на наши.

По субботам все немцы отправляются в ночное. Мы еще маленькие и нас не взяли. Только Осетинского взяли, и он на какой-то дискотеке с Сарой пил пиво.

Экскурсионная программа была очень насыщенная: нас возили на молокозавод, на завод Мерседес и на свалку. Да-да. На очень вонючую свалку, где какой-то мужик очень подробно объяснял, что

Аня, Кейер Денис, Атари, Жемеров Дима

куда выбрасывается и как это все сортируется и обрабатывается.

Прощальный ужин был в ресторане. Когда мы все съели и предложили заказать мороженое, немцы посоветовались и делегировали из своих рядов Хауке, который сказал: «Нам завтра рано вставать». Мы озадаченно закивали. Через какое-то время Атари сказал: «Они мыслят очень странно».

Однажды Даня Дугаев ездил по школьному обмену в Германию, где жил у одного немецкого парня по имени, кажется, Штефан. Языком общения у них был английский, и ладили они неплохо, будучи людьми веселыми, даже, можно сказать, разбитными. Шуточки в адрес друг друга так и сыпались. Как-то Даня решил пополнить свой небогатый немецкий лексикон словом «прикалываться». «How do you say it in German, -- спросил он у Штефана, -- when one man laughs another?» «What?» -- удивился немец. «How do you say it in German, -- терпеливо повторил Дугаев, -- when one man laughs another?» Штефан несколько секунд помолчал, после чего улыбнулся, подмигнул Дугаеву и проронил: «Homosexual». Даня поперхнулся.

Второй Крымский поход

Второй Крымский поход был спланирован хитроумно и претендовал аж на вторую категорию сложности. Он состоял из двух частей:

1. Какое-то богом-забытое-местона-дороге-Симферополь-Алушта – Ай-Алексий - Алушта (с посещением Балки Сотера, которую мы не смогли обнаружить в прошлом году). Потом отдых и купание возле Алушты и переезд в Бахчисарай.

2. Бахчисарай – пещерные города – Большой Каньон – Севастополь. Потом отдых и купание около Баллаклары.

Столь же хитроумно было и административное устройство группы. Она делилась на «Группу 1» во главе с Андреем Игоревичем и «Группу 9» во главе с Екатериной Олеговной Третьпольской. В Группу 1 входило множество младшеклассников, а также Рома Родионов и Костя Колинко. В Группу 9 были объединены социально опасные элементы – это мы. Группа 1 проходила маршрут, а Группа 9 несла вещи.

Про миллионы

Прошедшим горнило первого похода была доверена ответственная миссия закупки продуктов в Симферополе. Тогда Крым был совсем украинским, а деньги назывались «карб'ованці». Внешне они напоминали нечто среднее между троллейбусным билетом и купюрами из игры «Монополия». Курс тоже был хороший, поэтому для закупок нам выдали полтора миллиона этих денег. Карман на штанах был только у меня, и я выбирал колбасный сыр и прочие гастрономические прелести, ощущая себя настоящим миллионером.

Для справки: В поход берут исключительно деликатесы. Супы в пакетах, гречневую крупу и макароны, сухое

молоко, курагу, конфеты и сахар. Питание – двухполовиннойразовое: завтрак и ужин на стоянках, а в середине дня, на привале – «перекус», состоящий из чая, сахара, орехов, кураги и конфет.

Про дефолт сахарного банка

На перекус каждому туристу-гимназисту полагалось некоторое количество конфет, кураги и сахара. Плюс еще бутерброды и чай. Естественно, возник рынок, роль валюты на котором играл сахар. Установился определенный курс сахара к конфетам и кураге. Многие наивные представители Группы 1 оставляли сахар на своих счетах до востребования в сахарном банке, выдававшем ежедневные нормы. Банк представлял собой большую коробку рафинада, а банкиром был Д. Дугаев, который эту коробку нес...

Так вот, наивные вкладчики надеялись обналечить свои капиталы во время отдыха у моря и устроить себе сладкую жизнь, тем более, что состояния олигархов, не пивших сладкий чай, исчислялись десятками кусков. Все бы ничего, но руководство банка слишком увлеклось беспроцентным кредитованием потребителей из Группы 9, обожавших сладкий чай. В решающий момент архив банка с долговыми расписками был уничтожен, и обманутые вкладчики печально грызли свои конфеты...

Про вредность мытья посуды

Недалеко от приюта Ай-Алексий лежит большое село Генеральское. В него мы были отправлены за хлебом и еще какими-то продуктами. Естественно, купив хлеба, мы решили купить еще и вина. В Генераль-

у кого есть возражения, и кто хочет что-то сказать. Молчание было ему ответом. Тогда он стал опрашивать всех по отдельности, но каждый из отщепенцев гордо молчал как Зина Портнова. И тут раздался звонкий детский голосок Винни: «Я! Я хочу сказать». В наступившей тишине, под аккомпанемент скрежета зубов товарищей, размышлявших над воспитательными мерами, Винни гордо промолвил: «Это... погода сегодня хорошая такая...».

Для справки: Общественная жизнь всегда кипела в походе ключом. Так, каждое утро, Андрей Игоревич присваивал кому-либо почетное звание «Тормоз-хх». Например, 25 июня был «Тормоз-25», 26-го – «Тормоз-26» и т.д. Этого звания удостоивались те, кто дольше всех собирал рюкзаки и задерживал выход. Естественно, почти всегда «Тормозами» оказывались дежурные. Но вот, как-то раз, дольше всех собирался сам Андрей Игоревич. Удостоенный за это почетного звания «Калорифер-28», Андрей Игоревич молча улыбнулся... На этом собрание было окончено. Больше Андрей Игоревич нас в походы не брал.

Про Рому Родионова и Муция Сцеволу

В книге «Всемирная история в обработке Сатирикона» приводится следующая трактовка легенды о Муции Сцеволе (цит. по памяти): «...Муций, решив умертвить Порсену, прокрался в лагерь Этрусков, но по рассеянности убил кого-то другого. Усталый, он развел костер, но вместо консервов случайно сунул в него собственную руку. Пораженные этруски, увидев это, вскричали: - Что ты делаешь? - Готовлю себе ужин, - ответил Сцевола, не замечая подвоха.

ском делают очень вкусное домашнее вино... Вино это со страшными предосторожностями было пронесено в лагерь и припрятано в ручье – чтобы охладилось (при этом мы делали вид, что моем посуду). Ужасно довольные собственным хитроумием, мы пошли ужинать. За ужином Екатерина Олеговна сказала, что могли бы придумать что-нибудь поправдоподобнее мытья мисок, и что вином надо делиться. Мы были шокированы ее убийственной пронциательностью. Но вино было очень хорошее...

Про балку Сотера и штрейкбрехера Винни

Андрей Игоревич очень хотел попасть в балку Сотера. Это - долина ручья, впадающего в море неподалеку от Алушты. На карте было написано, что в балке растут очень красивые каменные грибы. Никто кроме Андрея Игоревича и Ромы Родионова в это не верил. В первый поход балку мы не нашли, зато в этот раз свернули где надо и долго шли по мрачной долине. Грибов я не видел, зато берега усеяны черепами и скелетами мертвых животных. Вероятно, они ели грибы.

В балке на фоне скелетов состоялось общее собрание. Повестка дня состояла из следующих пунктов:

1. Недопустимое поведение участников Группы 9. Доклад – Куприянов А. И. Прения.
 2. Разное.
- В чем именно заключалась недостойность нашего поведения, я уже не помню, но точно помню, что мы решили игнорировать прения, вверить свою защиту богам и гордо молчать. Тем более, нести снаряжение кроме нас все равно было некому. И вот, Андрей Игоревич окончил свою филиппику и поинтересовался,

- И ты будешь есть это мясо? – в ужасе спросили они.

- Да, это любимое блюдо римских туристов, - спокойно сказал Муций.

Разбитые наголову этруски в страхе бежали.»

Казалось бы, при чем тут Рома Родионов? Рома принадлежал к полуретической секте туристов, считавших, что в костер надо бросать очень много мелких веточек (см. выше о разведении костров). Такой костер горит очень-очень сильно, и еда на нем готовится очень-очень быстро...

Мы стояли на прошлогодней стоянке у Алушты, и Рома дежурил. Вода уже кипела, когда пламя из его «мартена» перебросилось на сухую траву. Пытаясь залить огонь, Рома схватил горячий котел и вылил его ... на себя ... к счастью, с нами был настоящий доктор. Роме кололи анальгин и везли в больницу в Алушту, а мы тушили пожар ... лето было сухое и все горело как порох. Тушили палками, т.к. вода была только в море – бежать далеко...

Вот так получилось, что всю вторую половину похода Рома пролежал в больнице.

Про бессмертную фразу Кости Колинко

Вторая часть похода начиналась в Бахчисарае. Были там во дворце, видели фонтан. Красивый фонтан. Но воды в нем не было. Ее вообще во всем Бахчисарае не было. А поскольку лагерь наш стоял на окраине города, а сухие супы без воды есть ну очень невкусно, все искали воду ... Одна часть ходила и кланчила ее в городе, другая обшаривала окрестные рощицы, третья занималась лагерем.

В лагерь пришел Костя и, выйдя на середину, громко, четко выговари-

вая слова, сказал: «Тут неподалеку, за кустами я нашел источник ...». Фраза вызвала бурную реакцию: «Костя, где? За какими кустами? А, я понял ... Так, берем все котлы, канистры и бутылки. Пойдемте скорее!» И все ушли за водой.

Костя был очень воспитанный и образованный гимназист. Он всегда говорил обстоятельно, логично и по делу. И он не любил перебивать других. Именно поэтому убежавшие за водой невоспитанные гимназисты не услышали, как Костя продолжил: « ... Но он пересох».

На Костю долго смотрели косо.

Заключение. Про «дизентерийный поход»

После Второго Крымского Похода мы с Андреем Игоревичем больше почти не ходили. Другие гимназисты ходили еще на Кавказ, кажется, в Крым, и даже на Олимп ... а мы нет. Но как-то раз, в начале мая, Андрей Игоревич повел нас на выходные куда-то в район Рощино ... Народу набралось много, было весело, идти несложно, комаров нет, все прошло благополучно.

А на следующий год была годовая контрольная по греческому ... И как-то так вышло, что был я к ней совсем не готов. Категорически. Полностью. Так, что даже учить что-то на переменах смысла не было. И вот последняя большая перемена ... в груди легкое и вместе с тем гнетущее ощущение скорой смерти ... В класс входит Елизавета Борисовна, видит меня и в ужасе говорит: «Ты почему еще здесь? Немедленно убирайся из школы! Никакого греческого! У вас дизентерия после похода. Карантин!»

И вот, все пишут контрольную по греческому, а мы, горстка счастли-

чиков, не заболевших дизентерией, сидим в ближайшем кинотеатре и смотрим киношедевр «Придурки из Беверли-Хиллз». На улице ливень. Спасибо вам, Андрей Игоревич.

Вова Л.

Однажды Критский оказался на уроке алгебры в наилучшей форме. Сергей Владимирович написал на доске уравнение сферы и спросил:

- Что, по-вашему, описывает это уравнение?

Не чуждый математики Коля отозвался: «Шар!».

- Шар был бы, если б было неравенство, а тут равенство.

- Ну тогда - куб! - предположил Коля. Директор, к счастью, счел это шуткой.

Однажды на урок физики пришла новая учительница, и первым делом раздала книжки-методички. Дугаев изучил свой экземпляр и заявил:

- Что за фамилия такая дурацкая - Кобушкин! Не буду учиться по книге, которую написал какой-то Кобушкин!

Фамилия учительницы была - Кобушкина. Методичку написал ее отец.

На физике раздали учебники разных цветов, в основном желтые и зеленые. И в них перепутаны номера заданий. Минут десять от урока были посвящены сверке заданий в разных учебниках. Наконец разобрались и приступили к работе. Поднимается Денис Кейер: - Извините, пожалуйста, Мария Викторовна. У меня учебник голубой и я представляю собой меньшинство...

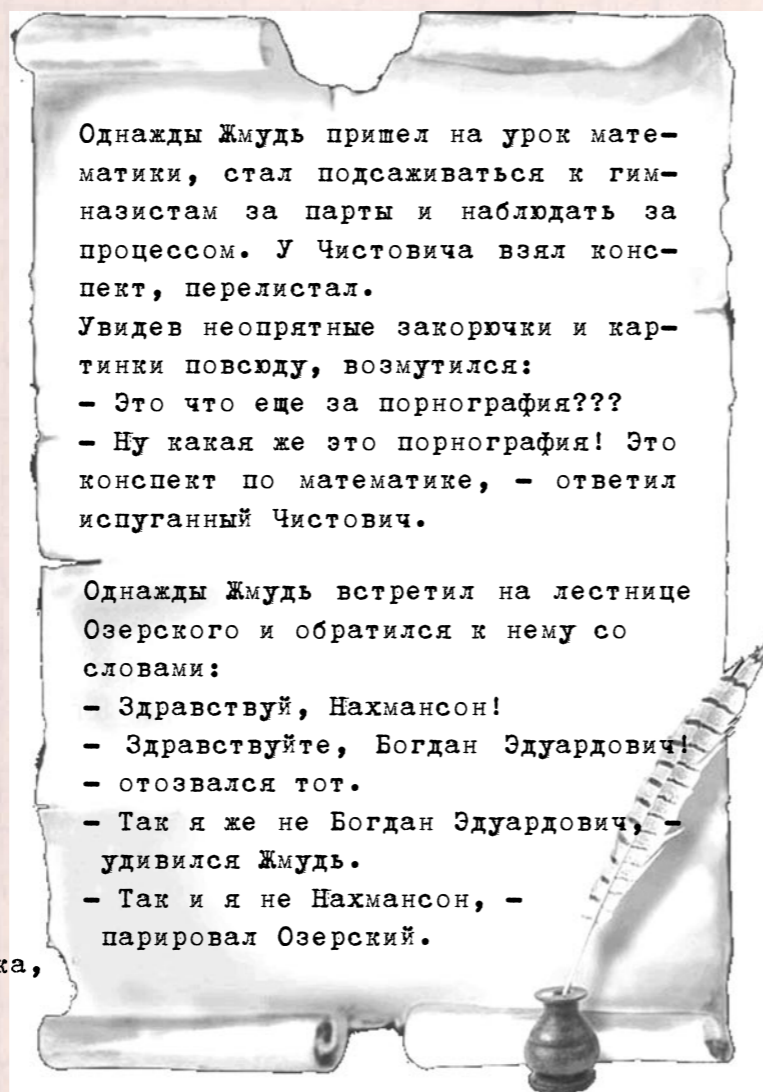
У Ани Коробковой День Рождения. Подходит в ней Ежа:

- Ань, как будет первое лицо Прэзенс активи от глагола «приглашать»? Аня, подумав: Приглашаю! Ежа: Спасибо

На людей наводит жуть Леонид Яковлевич Жмудь

Маленький мальчик был выгнан с урока, Но в коридоре ушел недалеко. Жмудь очень тихо к нему подошел. Кто-то под партой трупик нашел.

Однажды Жмудь пришел на урок математики, стал подсаживаться к гимназистам за парты и наблюдать за процессом. У Чистовича взял конспект, перелистал.

Увидев неопрятные закорючки и картинки повсюду, возмутился:

- Это что еще за порнография???

- Ну какая же это порнография! Это конспект по математике, - ответил испуганный Чистович.

Однажды Жмудь встретил на лестнице Озерского и обратился к нему со словами:

- Здравствуй, Нахмансон!

- Здравствуйте, Богдан Эдуардович!

- отозвался тот.

- Так я же не Богдан Эдуардович, - удивился Жмудь.

- Так и я не Нахмансон, - парировал Озерский.

История «Большого Ведёрка»

Как все началось

Всё началось с того, что на третий год существования гимназия обрела-таки своё собственное здание, в котором она и располагается сейчас. Наряду с классами, коридорами и столовой, в новом доме обнаружился, страшно сказать, спортзал...

В спортзале были стены, потолок, и два баскетбольных щита — один деревянный, а другой — пластиковый, совсем как в NBA, только чуть пониже.

Поначалу было решено, что гимназист должен быть разносторонне развитым, и поэтому в расписании впервые появились уроки физкультуры. Их у нас вёл Каратист по имени Эдуард... (отчество потерялось в глубинах памяти). Стыдно сказать, маваша-гири, йоку-гири и самую простую кату мы толком не освоили, но зато при Каратисте гимназисты в качестве разминки начали играть в баскетбол. Правда, поначалу он больше напоминал другую сверхпопулярную заокеанскую игру — американский футбол. Сходство было как формальным — играли мячом для регби (другого не было), так и содержательным — правил никто толком не знал. Встречи проходили в упорной борьбе и заканчивались, как правило, со хоккейным счётом вроде «5—2». Началом было положено...

Б. Э. Тремпольский и его роль в генезисе «Большого Ведёрка»

На следующий год учителем физкультуры в гимназии стал Богдан Эдуардович Тремпольский. Человек-легенда, он стал для спорта в гимназии вообще, и для баскетбола в частности, Марксом, Лениным и Мартином Лютером Кингом в одном лице. Он научил нас не бегать с мячом под мышкой и двигаться

в правильной стойке, отдавать передачи и персонально обороняться, незаметно бить бросающего по колену и давить на психику судей — в общем, всему, что есть в баскетболе. Мастерство игроков росло, мяч уже стал чаще попадать в кольцо, а не в потолок, товарищеские игры между классами и параллелями проходили в эффектной и напряженной борьбе...

Революция назревала, и вот однажды весной 1993 года Богдан Эдуардович объявил, что через неделю состоится первый в истории школы баскетбольный турнир. Его формат был определен волевым решением Богдана Эдуардовича: играют учащиеся любых классов, команда состоит из двух человек, счёт по одному очку, два штрафных за фол при броске.

Церемония открытия турнира запомнилась на всю жизнь. Богдан Эдуардович торжественно внёс в зал алюминиевое ведро для мытья полов и гимнастическую палку. Команды замерли в строю. В полной тишине он нанёс несколько ударов палкой по ведру и провозгласил соревнования открытыми. Выигравшие тот турнир Р. Морозов и В. Смирнов, больше известный как «Винни», получили право вынести Ведёрко и постучать по нему палкой на следующем турнире. Именно так возникло название «Большое Ведёрко».

Какова судьба того самого исторического ведра — никто не знает. Тем не менее, уважение к алюминиевым ведрам у всех участников первых турниров сохранилось на долгие годы.

Золотой век «Большого Ведёрка»

Первый турнир запомнился нервной и напряженной борьбой, массой ошибок, но при этом очень понравился

участникам. Решено было сделать его традиционным. История подтвердила правильность решения — баскетбол в гимназии рванул вверх. Количество тренировок достигало 3-х раз в неделю; фактическое время, проводимое в спортзале — несколько часов в день. Самыми активными были А. Иванов, В. Лопатка, Р. Морозов, И. Нахмансон, Р. Родионов, В. Самойлов, А. Симин, В. Смирнов, М. Точкин и многие другие.

Второй турнир в 1994 году выиграли М. Точкин и Р. Родионов, третий — А. Симин и В. Лопатка. Дальше опять А. Симин, но уже с В. Смирновым.

На тренировках стали появляться новые лица, новые люди — А. Елизаров, Е. Зубаков, А. Коваленко, А. Николаев, А. Петрунькин, А. Шацков.

В какой-то момент начал играть на «Ведёрке» и сам Богдан Эдуардович. Борьба вышла на новый уровень. В течение нескольких лет «Большое ведерко» было самым престижным баскетбольным турниром гимназии, готовились к нему всегда очень ответственно. Чтобы сделать турнир более зрелищным, стали устраивать конкурс «красивых» бросков сверху, но вскоре его пришлось отменить, так как не выдержал пластмассовый щит — по нему пошли трещины. Вместо него проводили конкурс дальних бросков — всё как в NBA. Пробовали менять и формат турнира — сильные и сыгранные пары принудительно разбивали, объединяя «корифеев» с более слабыми партнерами. Такая система не прижилась.

Призы победителям были всегда не очень «спортивными» — хорошие книги с соответствующими дарственными надписями от Богдана Эдуардовича.

Вова Л.
Саша С.

Где-то под Балаклавой. Леночка Филамова, Аня Коробкова, Даша Химрова, Андрей Костин – внизу; Ксаночка Самойлова, Леська Гук, Маша Нецветаева, Алик Озерский, Винни – наверху.

Откапывали каких-то скифов двухтысячелетней давности. Откопали, много. Они все были в виде фрагментов – похоже, у предков-азиатов было обычное дело периодически выкапывать своих мертвецов и сбрасывать их кости в общую кучу, освобождая место для новых захоронений. Такой вот отстойник мы и нарыли. Сложили

косточки в десятилитровые жестяные ведра, и наши девушки с песнями потащили их с могильника вниз к лагерю. А самую красивую и большую – берцовую, если не ошибаюсь, кость – мы с Ромочкой слямили и привезли потом в Питер. Помнится, всю поездку грызлись из-за нее, как собаки, хотели распилить, но пилы

не оказалось под рукой. А топором неудобно было. Так что доставили ее в метрополию целой и невредимой. Эта кость еще долго в гимназии лежала, СВ использовал ее как указку. Впрочем, один целый скелет мы тоже нашли. Он был завален камнями, а рядом лежал какой-то бесценный кувшинчик из глины. Мы были в восторге. У Бидструпа есть комикс "Археология", там все точно как у нас нарисовано. Только с этим скелетом потом проблема возникла, потому что

Маша Нецветаева, Аня Коробкова, Леська Гук, внизу – Ксаночка

КРОВЬМ

неподалеку от лагеря располагалась деревня Кольчугино, плотно упакованная юношами на мопедах, которые живо интересовались нашими раскопками и выказывали явные намерения тоже прихватить на память какую-нибудь кость пожирнее. Поэтому был установлен график дежурств: каждый археолог-любитель, годный к строевой службе, обязан был вдобавок к шести часам махания лопатой еще три часа провести на страже народного достояния, охраняя предка от посягательств местных энтузиастов. В качестве оружия на выбор предлагались кирка и лопата. Я остановился на кирке. Просидеть три часа на палящем крымском солнце в обществе молчаливого скифа двухтысячелетней выдержки – это было сильное испытание. Отчетливо помню, что я поделился с ним всеми своими жизненными проблемами, а их у меня в 16 лет было навалом. Как, впрочем, и сейчас. Должен сказать, что никогда не встречал такого отзывчивого и умудренного опытом собеседника. Начальника экспедиции звали Панаманом. Будучи видным симферопольским историком, он наверняка обладал известным в ученых кругах именем, однако для меня оно так и осталось загадкой. Прозвище, которым наградили Панамана наши девочки, мгновенно лишило его всех прежних номинаций. Даже местные студенты-первокурсники, проходив-

шие на раскопе полевую практику, напрочь забыли фамилию своего шефа. Панаму он не снимал никогда, подозреваю, что и спать ложился в ней же. Была у Панамана пренебрежительнейшая привычка – каждое утро в 6 часов истошным голосом выкрикивать слово "Подъем!" Вероятно, сержантское прошлое. Больше всего он любил прогуливаться вдоль края раскопа и критически отзываться о темпах и качестве нашей работы. Сам Панаман взял в руки лопату один раз за те десять дней, что мы находились под его началом, – очевидно, с целью продемонстрировать настоящий класс археологии. Сделал несколько энергичных взмахов и смачно воткнул штык в землю. Леська выхватила у меня из рук фотоаппарат и успела запечатлеть этот уникальный момент на пленку. До меня доходили слухи, что потом Панаман спился. Лысый был нашим завхозом. Подобно Панаману, он так же фигурировал исключительно под своим псевдонимом. Они составляли колоритную пару – Лысый и Панаман. Завхоз отвечал за материальное обеспечение экспедиции, организацию добровольно-принудительного труда, дежурств по лагерю, закупку провизии, переговоры с аборигенами и т.д. Личные качества Лысого долго оставались для меня загадкой, но, естественно, я недолюбливал человека, который в 10 вечера загонял меня в палатку, посылал в неблизкую

На пароходе из Балаклавы к Золотому пляжу. Нахмансон, Винни, Пупынин

деревню за фуражом для однолагерников, а однажды заставил вымыть целую гору посуды. Лишь случай помог мне заглянуть за высокую стену, которой Лысый оградил себя от суетливого человечества. А было все так. Мы втроем: я, Мишка и Лысый отправились в деревню за хлебом. В булочной, пока завхоз рассчитывался за два пуда буханок, я увлек Мишку в винный отдел (дело ведь в Крыму происходило, там винные отделы есть и в магазинах игрушек) и, разглядывая витрину с богатым набором бутылок, стал спрашивать его мнение относительно того, какое именно вино стоит везти домой. Увы, Мишкины познания в этой области ничуть не превосходили моих. И вдруг за нашей спиной раздался тихий голос Лысого. Не сходя с места, он прочел двадцатиминутную лекцию о достоинствах крымских вин. Сорта, сборы, года, выдержки – Лысый знал об этой абсолютно все и щедро делился знаниями с

Никогда я так не ошибался в человеке. Ромочка Морозов отчаянно боялся пауков и девушки Наташи из близлежащей деревни Кольчугино. Поскольку обе эти напасти подстерегали его и днем и ночью, Ромочка постоянно пребывал в состоянии страха. В целях конспирации он сообщил

Верхний ряд слева направо: Сергей Чистович, Ромочка Морозов, Винни, Шура Пумынин; нижний ряд: Сан Саньч Черкашин, над ним Курочка Паша, Леночка Филатова, Леська Гук, Маа Нецветаева, Аня Коробоква; внизу: Нахмансон Илья

Наташе, что его зовут Александром, и в присутствии местных жителей отзывался исключительно на имя Саша, из-за чего крымская половина лагеря считала Ромочку шизофреником. Кроме того, мой друг сам время от времени забывал, кто он, майор Исаев или штандартенфюрер Штирлиц, что делало его жизнь еще более сложной. Местное юношество явно не одобряло увлечения своей односельчанки заезжим хлыщом из Питера, регулярно устраивая на Ромочку мопедные облавы, и последние дни он провел в лагере на осадном положении, выбираясь только на раскоп. Однажды ночью у нашей палатки раздался нежный девичий голос – это Наташе удалось прорвать круговую оборону и добраться до штаба противника. Ромочка, который в этот момент охотнее бы встретился со своими мопедными приятелями, в ужасе забился в угол палатки, умоляя меня сказать настойчивой крымчанке, что его нет дома. Я, конечно, сообщил ей, что любезный Саша находится тут рядом и мы с Пашей (наш третий сосед) готовы предоставить им с Наташей

палатку на любой срок. Ткнув Пашу в бок, я потащил его наружу. Поблагодарив нас, девушка юркнула в палатку. Опустим занавес милосердия над концом этой сцены. Мишка Перлов был юннатом. С раннего детства он, выбираясь на природу, собирал какую-то гадость. В Торопце это были лягушки, которых Мишка складировал в трехлитровую банку. Половина лягушек сдохла от голода, остальные однажды ночью выбрались из опрокинутой банки и распространились по большой палатке, в которой ночевали десять человек. Весь следующий день покрытый синяками юннат выгребал из спальных несчастных земноводных. Четыре года спустя, в Крыму, Мишка сконцентрировал свой энтомологический интерес всего на одном представителе местной фауны: тарантуле. Этот тарантул тоже жил в трехлитровой банке – не иначе, той же самой. Однажды ночью, он проследовал проторенной лягушками тропой и выбрался на свободу. Существование с одиноким тарантулом взбудоражило лагерь не меньше, чем компания

полусотни лягушек. Весь следующий день покрытый синяками юннат разыскивал своего подопечного. После бесплодных поисков он объявил, что тарантул был вовсе не тарантулом, а обычной сороконожкой, и можно спокойно ложиться спать. Мы поверили и заснули сном праведников. Год назад, вспомнив эту историю, я спросил у Мишки, правда ли, что это был безобидный паучок. Ответом мне стала гнусная ухмылка. Андрюха Костин умел разводить костер в любых условиях, готовить множество походных блюд, ставить палатку за пять минут. Он безошибочно определял пригодность воды для питья, умел найти на небе Полярную звезду и пивной ларек в горах. Не удивлюсь, если он владел навыками золотоискательства и езды на собаках. Это был вечный дежурный по лагерю, в его ведении находился инвентарь экспедиции, на нем же лежала масса организаторских функций. Собственно в раскопках Андрюха не участвовал – было глупым расточительством использовать столь ценный кадр для неквалифицированной работы. Кроме всего прочего, он обладал пышной шевелюрой, знал уйму стихов, свободно читал наизусть “Черного человека” и половину Бродского, пел песни под гитару и сочинял нетленки (а также и вполне кондиционные стихи). Наши девочки перешептывались, что кому-то достанется идеальный муж. Одна из них даже решила удостовериться в этом на собственном опыте. А я помню, что у Андрюхи в запасе всегда было “Ркацители” в пивных бутылках 0.5л. Такой тогда продавался дерibas мутного цвета, без этикеток и, упаси боже, акцизов. Ох и вкусная же штука. Зерыч, которого еще в ранней юности прозвали Змием за мудрость и прочие сомнительные достоинства, любил простую дружескую шутку.

Если ночью по стенке вашей палатки начинали барабанить тяжелые капли, это еще не значило, что пошел дождь. В историю экспедиции Зерыч вошел как главный автор нетленки, посвященной суровым археологическим будням. Исполняемый на мотив “We will rock you”, этот гимн имел рефреном жутковатую фразу “Мы их раскопаем” и был исполнен Мишкой-натуралистом под бурные овации всего лагеря. В балаклавском стойбище на Зерыча была возложена важнейшая общественная функция: он был назначен оператором бензиновой горелки. Из-за того, что в Крыму, к сожалению, еще не вырублены все реликтовые сосны, любой разведенный на берегу костер расценивается как злостное браконьерство, поэтому нам пришлось взять напрокат в Севастополе паяльную лампу и готовить на ней. Все приготовления делали девочки, а задача Зерыча заключалась в том, чтобы подогреть эти яства, добавив по вкусу бензина. Вот когда я посочувствовал собаке Штирлица! Радужные пятна, плавающие по поверхности чая, добавляли красок в нашу однообразную курортную жизнь. А еще Зерыч играл в преферанс. Ося был любимцем публики. Горбоносый смуглый красавец, ходивший на раскоп в шикарном розовом тюрбане, желтой футболке, синих в обтяжку джинсовых шортах и черных тонтонакутовских очках, Ося производил неизгладимое впечатление на окружающих одним своим внешним видом. Громогласный, жизнерадостный и доверчивый, он чем-то напоминал Хемуля-лыжника. Пламенные крымчанки знали его под звучным именем Мирджалол. С ним вечно что-нибудь случалось. Например, однажды его палатку вместе со всем, что в ней находилось, смыло в море. При чем Зерыч, деливший с ним жилище до последнего дня, как раз в утро

Битва на лопатах. Курочка, Ося, Миша Перлов, Зерыч, Нахмансон. Справа внизу за отрогом холма наш лагерь

накануне потопа оформил развод и отселился к соседям, проявив завидную дальновидность. А еще Ося играл в преферанс. Как-то раз мы с Зерычем уговорили его расписать пулю. Партия длилась три дня. Первый из них Ося провел в своем замечательном розово-желто-сине-черном наряде. Второй – в одних плавках. К вечеру третьего дня все было конечно. Опустим занавес милосердия над концом этой сцены. Винни был уже ветераном Крымских походов, по сравнению с которым князь Голицын казался неопытным туристом. Везде, где мы были, Винни уже оставил свой след. О какой бы местной достопримечательности не зашла речь, он ее уже осмотрел, облазил и навесил бирочку. Винни был кладезем всевозможных историй, главным героем которых являлся он сам. “Вот у этой скалы, – небрежно бросал он, почесывая штанину, – меня укусила в зад гадюка. Пришлось самому отсасывать из раны яд”. Слушатели ахали. “На том перевале руководитель Пятой экспедиции подвернул ногу, и я нес его на спине

двадцать километров до деревни”. Мы с трепетом смотрели на грозный перевал. “Вон у того ларька на меня напали пятнадцать татар во главе с Девлет-Гиреем. Отбилась от них пивной бутылкой”. И Винни показывал нам ту самую бутылку. Как можно ему не поверить? Помню, однажды Винни вызвался показать мне город Севастополь: бухту, центр, панораму. Прошли пятьдесят метров от автобусной остановки. «Вот, – сообщил мне Винни, указывая на невзрачное с виду строение, – зал игровых автоматов». Он был прав. Вывеска над дверью действительно гласила «Зал игровых автоматов». «Там внутри – игровые автоматы, – добавил Винни, открывая мне глаза на сущность этого заведения. – Войдем». Мы вошли. Там были игровые автоматы! Винни, как всегда, оказался прав. В итоге, мы ознакомились всего с одной севастопольской достопримечательностью, зато уж от и до. И через несколько часов без клепки в кармане пошли к парикмахерской встречать Бобби.

Нахмансон Илья

Однажды Осетинский играл в футбол. Неудачно пущенный мяч откатился к

стоявшей неподалеку вальдорфской девочке лет семи. Саша вежливо обратился к ней:

- Девочка, дай мячик, пожалуйста!

- Па-шёл вон, х%# моржовый! - звонок выкрикнуло дитя.

Гражданская Оборона. Ника читает памятку пользования противоголозом. Аня с Женей тренируются на Вини.

Ника: Пораженного надо положить на пол и надеть на него противоголоз.

Вини послушно укладывается на пол.

Ника: ...предварительно растянув заднюю часть.

Девочки непонимающе смотрят на Вини, потом на Нику.

Ника: ...противоголоза.

Сергей Владимирович перед ГО читает напутственную речь: «Когда вы всей школой будете разбегаться по классам или сходить по лестнице в убежище, не задавите никого! Ну два-три человека — это еще ничего...»

Саша Симин с Женей спускаются по лестнице после годового экзамена по математике. Саша: Ну, за вас с Аней я спокоен. Вы-то по пятерке получите. А вот Вова Лопатка меня волнует. Ему хотя бы троечку.

Женя в ужасе хватается за сердце: Как троечку! Мы же с него все списали!

На английском Аня Киселева переводит текст про барокко из учебника «Western Experience». После ее перевода повисает пауза. Александр Кон-

Вообще человек должен гордиться, что он гимназист

стантинович задумывается и говорит: «Ну, хорошо. Женя, перескажите нам теперь смысл этого отрывка, который, вопреки Аниному переводу, там все-таки был.»

МихМих принимает зачет. Все ответили, кроме Пети Ильина. Петя и говорит: “Ну Михал Михалыч, я вам потом сдам зачет. Ну, я забыл перевести.”
МихМих: Я вам, Петя, двойку ставлю!

Петя: Ну не надо! ну я сделаю и ответу.
МихМих: Ну все, Петя, не смешно. Я вам ставлю два! Где ручка?

Петя вырывает ручку: Ну не надо! Я вам позже сдам!

МихМих: Нет! Все! два!

Петя хлопает дверью класса: Ну и сами играйте в своем спектакле этого Креона!

МихМих роняет ручку, вскакивает и бежит за Петей: Ладно, ладно, я вам точку поставлю!!!

Штаров:

Внашей школе есть люди, которые не воруют, но многие из них решать проблемы воровства не умеют (тем более, драки: я не видел детей, которые не дерутся). Вообще человек должен гордиться, что он гимназист, у нас все проявляют свою гордость тем, что они со всеми в драке, а Александров и Бурячко-младший проявляют это в таком виде: входя в столовую, один выпраши-

вает еду, другой хватается ее мешками и сразу же убегает.

Озерский:

Мог ли думать этот прапрадедушка, будучи малявкой, о том, что купит перстень, про который его праправнук будет говорить с отцом? Таких вещей у нас дома много: записки моего дедушки, печатка, часы и еще много другого. Но я уверен в одном: все равно дети 3-4 поколений всё сломают.

Коновалов:

Яйцекладущие кормят своих детей молоком, но появляются они из яиц. Я могу привести примеры вышеуказанных: утконос, ехидна и некоторые другие виды. Насекомоядные делятся на сумчатых и ... как их там, планце... (забыл) <...> Мне непонятно, откуда могли взяться такие непонятные животные, как яйцекладущие. Вроде бы млекопитающие, но..... <...>

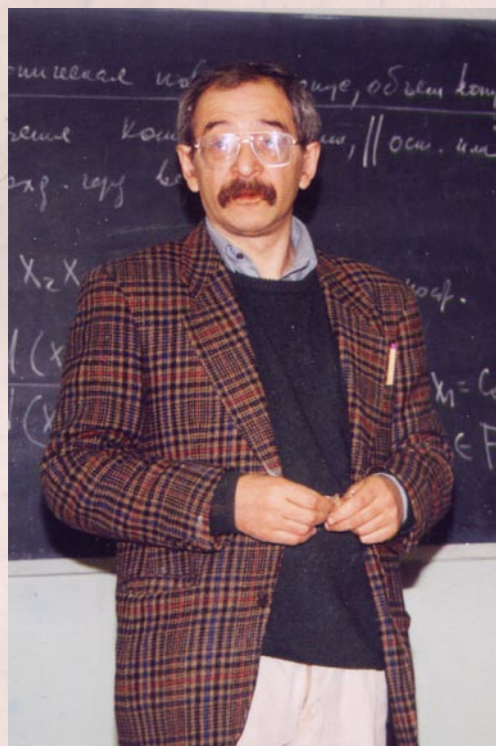
Бэта класс на уроке.

Загадкой Австралии являются даже люди – австралоиды – отдельная раса. Кожа от негров, а климат – от южной Европы. Когда я разговариваю об Австралии, я просто грязну в загадках.

Петров:

Печорин – «смесь» разных стихий: хладнокровия и страсти, нежности и мужества, горячности и расчетливости, благородства и низости, -- короче: светский человек в военном мундире.

Лурье

Макс с Атари

Озерский:

Больше всего мне надоело огромное количество запретов, которые повергают меня в глубокое уныние.

Танхилевский:

Я всегда завидую людям, богатство которых нажито не трудом. Я думаю, что многие тоже завидуют им. Мне не нравится не то, что они богаче, а то, что я беднее. Мне обидно. Я всегда думал над тем, почему весь мир так устроен.

У индейцев за зависть человека могли выгнать из племени или заставить в одиночку драться с медведем или вепрем. Могли и оскальпировать, причем скальп принадлежал не палачу, а тому, кому завидовали. Если бы мне никто не мешал, я попытался бы закупить ружей, отправился бы в Америку и вооружил одно из индейских племен. <...> Если же учесть, что всех индейцев в США – сорок семь миллионов, то вполне ясно, что поднятые на борьбу умелой рукой (я не думаю, что моя рука такая), они могут завоевать свою родину и избавить ее от белых.

Шульруфер:

Благородство всегда трогает, умиляет и, как это ни смешно, удивляет меня.

Путынин:

Я вообще снял свою кандидатуру, потому что считаю, что я, как и Перлов, буду судить пристрастно. И я полагаю, что некоторое из тех, кто голосовали за Перлова, делали это не в бескорыстных целях.

Последний звонок

Конечно, я не подразумеваю взятку, но подразумеваю желание «выслужиться». Я сделал этот вывод на некоторых конкретных основаниях, одно из которых

такое – некоторые люди несколько раз напоминали Перлову, что они вот такие, голосовали именно за него, и если б не они, Перлова не выбрали бы.

Беляев:

Вещи бывают обычные, которых мы не замечаем, но без которых наша жизнь существенно бы изменилась. Это, например, кровать. <...> Бывают же вещи особенные, на которые мы обращаем внимание и бережем, но если бы их не было, жизнь сильно бы не изменилась. Одна из таких вещей

Атари, Винни и Андрей Костин поют

Чистович:

Если взять кого-то из нас в отдельности, то ниже всех его ценить будут его родители, а выше всех – учителя. Это происходит потому, что учителя любят своих, а родители почему-то не могут принимать всерьез, что у них сын (или дочь) гений (или, по крайней мере хорошо в чем-то разбирается). В этом я убедился на собственном опыте. <...> Родители часто впадают в крайности, и поэтому почти никогда и ни в чем нельзя верить родителям. Конец.

(всегда) бываю «за» что-то, что привнесет в нашу жизнь элемент цивилизации. Но это дело не должно быть очень (слишком) жестоким по отношению к «обвиняемому», так как человек испытывает очень страшные чувства, когда он один, а все обвиняют и настроены агрессивно по отношению к нему. Для иллюстрации сказанного достаточно посмотреть на Танхилевского.

Лев Лурье в цветнике

у меня – перо кондора. Оно необычно тем, что падало с неба и упало на наш балкон, хотя кондоры водятся только в Америке. <...> Когда я смотрю на это перо, я представляю заснеженные пики, скалистые горы, одинокого путника и кондора, широко раскинувшего свои огромные крылья и высоко парящего над ним.

Семенов:

Я слишком мало знаю о суде, но мне это дело нравится: я не сторонник таких «разборок», какие происходят с Танхилевским, например. Я обычно

Танхилевский:

Я люблю характер индейцев, их обычаи и обряды, как-то: снятие скальпов, ритуальные танцы, мщение за родича, множество имен, даваемых за подвиги, деление на классы по возрастам, жертвы и молитвы.

Варцан:

Вы никогда не обращали внимания на жаб?<...> Интересно, есть ли террариумы, в которых содержатся редких лягушек?!?

Нахмансон:

Авантюристы. Пират, известный на всем Мэйне, по происхождению русский, Алекс Коновал, лысый, одетый в шитый золотом камзол, просторные шелковые штаны, в шляпе со страусовым пером и крокодиловой сумкой, вошел в таверну и т.д.

Смирнов:

Когда взрослые видят нас в трамвае, то говорят: «Молодые, можете и пешком дойти!», -- а когда я говорю, что мне нужно на Охту, то отвечают: «А ты не гавкай!»

Выпускной вечер

Дугаев:

Думаю, я иногда раздражаю взрослых своими неуместными замечаниями и т.д., и т.д., веду себя нахально, постоянно мешаю и проч. Я, бывает, с этим не спорю, но принимать какие-либо меры не могу, не хочу, да и в добавок это и бесполезно -- меня, я считаю, не изменить.

Озерский:

Часто, впрочем, хулиганство являет собой месть за нанесенное оскорбление. Ярким примером подобного рода, по-моему, являются у нас (да простят

Нецветаева Маша празднует последний звонок

Последний звонок на Петропавловке

И была у них губа не дура, язык не лопата. Все одним миром мазаны, все сироты казанские, ходят согнувшись в три погибели. Кажется, тихие-тихие, а сами волки в овечьей шкуре... И т.д.

Перлов:

Без труда не выловишь и рыбку из пруда. Молодой работник искал работу, многое испробовал, но так и не нашел ничего подходящего.

Петров:

Туда, где Макар пас телят, попасть можно. Но там, куда Макар телят не гонял, мы побывать не можем. И так, там, куда Макар телят не гонял, была планетка. Маленькая такая планетка, но настоящее осиное гнездо. На самой большой равнине были высечены слова:

Кто сюда попал,
Навсегда пропал.
И было обитателям планетки море по колено.

Щарыгина Т.В.

Последний звонок на Петропавловке

Пироговская:

Как мы ссоримся? Молча. Быстро. Просто. Она (или он) прерывает меня, когда я рассказываю, и тут начинается. У меня к горлу подкатывает волна, кровь бросается в голову. Слово за слово, от первого резкого слова до крика. В этот момент мы оба не владеем собой. В моих глазах как будто прыгают иголки, у нее судорожно пощелкивают пальцы или голос срывается на хрип. Это переломный момент, кульминация. Если это существо в красной блузке скажет еще одно слово, то я вцеплюсь ей в волосы.

Из архивов Н. А. Рогинской

Стихи для детей 1996 года выпуска

Демьян Беляев

Мы благодарны Штирлицу Исаеву,
Избавил он народы от фашизма.
Так может быть усилия Беляева
Спасут наш мир от фундаментализма.
Будет нам Демьян опора
От исламского террора.

Екатерина Дружинина

Есть ли друзья на свете
Чистая добродетель
И лилипут и детина
Скажут — Екатерина
Роль Пожарского и Минина
Исполняешь ты, Дружинина.

Даниил Дугаев

Ижора тут, тут чужь и весь.
Твой предок — осетинский князь.
Вот почему ты прожил здесь,
Как бы играя и резвясь.
Средь симпатичных раздолбаев
Прелестней всех Данил Дугаев.

Дмитрий Жемеров

Что такое микросхема?
Может тролль убить дракона?
Что есть атомов система —
Всё для Димы не препона.
Безо всех, друзья, сомнений
Жемеров — наш главный гений.

Пётр Ильин

В нашей, братц, волости
Среди сих осин
Единица бодрости —
1 Ильин.
Никогда он не один
Всех приятель П. Ильин.

Денис Кейер

Не без искорки был старый Архимед
Славой громкою покрыта его плешь
Он придумал лозунг Панкс нот дэд
Он придумал энергичный трэш
Денис Кейер Архимеда не слабее
Он красивей, музыкальней и умнее.

Анна Киселева

Ни прозектор, ни биолог
Ни магнат, ни археолог
Ни френолог, ни нарколог,
Ни классический филолог,
Бросив лишь на Аню взгляд
Перед ней не устоят.

Анна Коробкова

Раздвигает меха молодой гармонист
И разведчик сигналит из вражьего стана
Ты теперь не ребенок, а экономист
Коробкова изящная чудная Анна
Гимназия на том стоит,
Что в ней дама Адам Смит.

Пётр Косаревский

Проведем математикам смотр,
Каждый личность свободная, дерзкая
Странен ты исключительно, петр,
Всякий знает из нас Косаревского.
Пусть же твой brutальный смех
Славный огласит матмех.

Андрей Костин

В жизнь ты вкатишься, как на скейте,
незамеченный в фронде и понте.
Кучерявый, играешь на флейте,
На любовном удачлив фронте.
От ямба отличит хорей
Миляга и поэт Андрей.

Мария Левина

Мне жаль, что умер Франсуа
Вийон, что с нами нет Шекспира,
Что Бродский спит: Не видит он
Восхода новой, лучшей лиры.
В бывшем городе Ленина
Живет поэтесса Левина.

Роман Морозов

Мы погибаем, нас точит зараза...
Кто нам поможет? Конечно, Морозов.
Вылечит он и бронхит, и проказу,
Вытащит аппендицит без наркоза.
Едет на скорой прекрасный Роман,
В мире болезней лихой партизан.

Мария Нецветаева

Не Каверина люблю, не Катаева,
Не Америку люблю, не Россию,
Обожаю я актрису Нецветаеву
Обаятельную, гордую Марию.
Ты хочешь скерцо? Желаешь марша?
Сыграй нам что ли, родная Маша.

Максим Новиков

Внешность твоя для девушек как Хиросима,
Длинные волосы, как на портретах гольбейна.
Знают и любят в Гимназии люди Максима,
Образ лелеют его они благоговейно.
Среди тысяч докторов
Всех красивей — Новиков.

Александр Озерский

Если сломался в метро эскалатор
Если разрушен пургой Улан-Батор
Если в аварии мучимся зверской,
Только уменье спасет, а не вера,
Надо толкового звать инженера —
Ждем вас, Озерский.

Мария Пироговская

Как морехода тянет суша,
Так всякого пленяет Маша.
И Джон, и Гиви, и Абраша

К тебе влекутся, дорогуша.
Душа ангельская, стать бесовская,
Вот какая ты, Пироговская.

Евгения Потапова

Выше голову, Ахиллы!
Вам не надо за Еленой
Путешествовать сквозь Сциллы
Попадать к троянцам в плены..
Добровольно едет с пением
К вам Прекрасная Евгения.

Владимир Смирнов

Иногда вдруг скажешь Бог ты
«Роллекс» в грязном магазине
Так из недр далекой Охты
Происходит дивный Винни
Наш пушистенький медведь
Это золото не медь.

Мария Смолина

Спокойно, эльфы, пейте мед с цветочков
Не тронут вас ни гоблин ни драконы
Живите хоббиты в своих зеленых кочках
Срывайте, тролли подлые, погоны
Мария Смолина усмирит всех задир
О, Элберет! О Гном! О Митрандир!

Александр Симин

Город пышный, город бедный:
Что имел в виду бессмертный?
Пышный — потому что Саша
Симин тут живет. А бедный —
Потому что удалой
Саша в нем один такой.

Дарья Хитрова

В чём твоя, Хитрова, особость?
В чём и сила твоя и слабость?
Думаю — бесконечная бодрость
И почти идиотская радость.
Ты — счастье наше, ликует школа,
Хитрова Даша. На Липне Никола.

Юрий Шатров

Чеченцем взорван бронетранспортёр,
Огонь кинжальный, словно взгляды фурий.
Кого бросать в убийственный костёр?
И командир сказал: «Готовься, Юрий!»
Шатров — выпускник Военмеха,
России врагам не до смеха...

Алексей Шемякин

Пластика словно у хищных зверей
Взгляд как сияющий бакен
Этот брюнет это ты Алексей
Общеизвестный Шемякин
Даже кошки и собаки
Знают о тебе Шемякин.

Екатерина Шульга

Словно к чаю нуга,
Словно гибель врагу
Катерина Шульга —
Василек на лугу.
Вот такие горожанки
Живут на улицах Гражданки.

Нахмансон

Ты всегда держал фасон,
Как средь воробьев фазан,
Как средь антилоп бизон,
Как средь немцев партизан.
Для футбольного газона
Нет лучше Нахмансона.

Черноморский

Жито жнет усердный серп,
Плотник строит крепкий сруб,
Оборону держит серб,
Православен, смел и груб.
Изыди, англосакс заморский,
Прииди, Паша Черноморский!!!

Чистович

Он не ударит друга в пах,
Он поступает на матмех,
Он весь поэзией пропах,

И он не чужд мирских утех.
Среди Чистовичей Сереж
Особенно приятен Еж.

Караськова

Три льва сплелись хвостами на щите,
На белом поле - красная корона.
Что значит меч на липовом листе?
Зачем здесь нарисована ворона?
Лишь Ольге Караськовой это ясно,
Медиевистка и собой прекрасна.

Осетинский

Ты так прекрасен, что невыносимо,
Девицы от тебя буквально пьяны,
Твой путь по жизни - девичья Цусима,
Ты как японец после Ляояна.
Как по Лубянке идет Дзержинский,
Идет по жизни А. Осетинский.

Критский

Лихой урядник, бодрый сотский,
Как бы в седле хорош был Критский?
Он и духовный, он и плотский,
Ленивый, славный, сибаритский.
Ты науку вкушал по ломтику,
Предпочел в результате оптику.

Семенов

Одноклассники борзеют,
Как в эпоху мезозоя,
А Семенова Андрея
Воспитанье не позорит.
Этот рослый господин -
Прирожденный дворянин.

Курочка

Крокодил ползет, летает бабочка,
Одному проспект, другому - улочка,
Ты как палочка-выручалочка,
Та на все найдёшь ответ, Павел Курочка.
Таких достойнейших орлов
Даёт район Пяти углов.

Петров

Любят девки на просторе
Погулять с парнями в паре.
Прочь, все Гриши, прочь, все Бори,
Всякая бежит к Атари.
Средь грядущих докторов
Саня всех милей Петров.

Лопатка

Как касатик любит касатку,
Как работник любит работку,
Так болельщик любит Лопатку,
Его пас и удар и обводку.
Дорогие сестрички и братки
Не забудут достоинств Лопатки.

Коновалов

Вот один - высокий, ражий,
А другой - невидный, рыжий,
Голиаф исполнен лажей,
А Давид познаньем пышет.
Выбираем - малого,
Конкретно - Коновалова.

Самойлова

Там в Элладу поднимает Мойра вой,
Стрекозе - почет, в прогаре муравей?
Пусть на свете повезёт Самойловой.
Человеку без особенных затей.
В жизни нужен элемент везения.
Ты им точно обладаешь, Ксения...

Гук

Если дорог тебе твой дом,
Если ты не пар и не дым,
Если любишь театр Ленком
И являешься молодым,
В президенты России, друг,
Выбирай ты Олесю Гук.

Перлов

Так бывает, что, скажем, к слову,
Не к друзьям влечет, а в могилу,
Пересиль и иди к Перлову,
К дружелюбному Михаилу.
Это очень важный фактор,
Когда есть знакомый доктор.

Пупынин

Чубы рвет Чубайс,
Гайдар, как краб в пустыне,
Явлинский зелен, словно олеандр.
Экономистом стать решил Пупынин,
Угодник женский, рыжий Александр.
Он был латинянин и грек,
А поступает на Инжэк.

Левина Маша

Школа: вид из окна на двор.

Во время первого или второго урока я оглядываю из окна школьный двор – за тяжелыми шторами в одном из окон дома напротив цветет крошечный огонек, говоря мне о ком-то, кто в отличие от меня не обязан вставать рано, – и я что есть сил завидую ему, пребывая с ним всеми еще дремлющими участками мозга. Собственно говоря, я бы и от своей судьбы не прочь – приятно сидеть в теплом классе, но вслед за пресной, милой и уютной алгеброй, по которой контрольная еще когда, должен настать английский, а я к нему не готова. Поэтому я прилепилась взглядом к одному из окошек дома напротив и воображаю едва завязавшийся день некоей ленивой красавицы – как она небрежно откидывает легчайшее одеяло и бредет на кухню, омываясь в смутных зеркалах, а потом медленно, по-провинциальному пьет чай, не съедая, однако, ни крошки, поскольку она на диете.

Дом в три этажа, с крутой крышей, также может сойти за провинциальный, а неторопливые мысли девушки, естественно, о женихе, вероятно, уже показывавшемся ей во время гадания в одном из зеркал.

Светает, и проступают отчетливей березы, турники и лесенки двора, и явными делаются лужи, в которых чистая вода стоит над разномастной листвою, на крышах же обнаруживается несметное количество труб.

Проходит алгебра, наступает английский. Александр Константинович вызывает меня, и после нескольких нелегких минут, будто найдя разрешение мучительного вопроса, предлагая внезапный и легкий исход потугам страждущего идиота, восклицает „Just a moment!“, и по истечении этого момент в журнале возникает двойка.

Впрочем, иногда в аналогичных случаях я достаиваюсь другого варианта развития событий – одобрительного “That was not bad” и хорошей оценки в журнале.

Так или иначе, опасность минует, и судьба ленивой красавицы из соседнего дома перестает интересоваться меня. Это говорит в пользу того факта, что вымысел возникает только тогда, когда появляется потребность убежать от действительности.

Школа: вид из окна на улицу.

На улицу я смотрю в основном из кабинета химии – стоит ли рассказывать про дома в стиле модерн, цвета грибов-лисичек или плодово-ягодного мороженого, с какими-то шпилями на крышах? Впрочем, одна из крыш обращает на себя внимание: с невесть каких времен на ней валяется яркий матрац – первая инсталляция, увиденная мною. Позднее я вспомню про этот матрац, когда моя богемная знакомая будет рассказывать об акции, которую она осуществила – о возложении дворницкого венка на постамент памятника Пушкину.

Гораздо увлекательней вида на улицу в кабинете химии таблица Менделеева. Я ее разглядываю подолгу, хотя химии у нас еще нет. По малолетству мне кажется, что чем

дальше название вещества от начала таблицы, тем диче и экзотичнее его свойства. Особое почтение у меня вызывает лантаноиды и актиноиды. Упоительно произносить про себя “La-Lu” – сочетание звуков, наводящее на мысли одновременно о качелях и о Китае. Полное название этого вещества, разумеется, не так романтично. Нравятся мне также вольфрам и актиний – как мне кажется, это вполне подходящие имена для моих будущих сыновей.

Школа: дорога к ней и от нее.

Иду к метро дворами в сырой темноте, которую еще не догадалась сдабривать облачком сигаретного дыма. Спускаюсь в переход, непременно надеюсь в метро отдохнуть еще немного, и, как всегда, надежда не сбывается – в вагоне я попадаю в такое положение, когда практически некуда встать, но есть куда падать. На тыльной стороне ладони от духоты взбухает венка – это мне, впрочем, как раз нравится, потому что делает мою руку похожей на когда-то привлечшие мой взгляд кисти незнакомого мне человека, необычайно легкие и ладные, все жилочки и косточки которых можно было заметить и сосчитать.

Выхожу из вагона. Продвигаться в толпе мне изрядно мешает пуховик – хочется сказать про него, что он очень трудоемкий. Какой-то ветус (всех неприятных стариков я зову ветусами, будучи все-таки латинистом) зачитывает скрипучим голосом надпись на спине пуховика: «Каждому нравится продукция «Янлен»». Мне продукция «Янлен» не нравится совершенно, тем более, что пуховик мне купили как раз тогда, когда я впервые обратила неблагоклонное внимание на свой вес.

Остаток пути (на троллейбусе от «Петроградской») проходит без приключений. Как всегда, я успеваю полюбоваться через окно троллейбуса рекламой рыбного магазина, в которой чувствуется цветаевская интонация: «Дары моря – дарят нам здоровье/ Берегите – рыбе поголовье». Опаздываю всего на 5 минут.

После школы иду пешком до «Василеостровской». Из уличной толчеи на Среднем, устав от передвижения по горизонтали, спускаюсь в полуподвальную глубину пирожковой. После краткого пребывания в очереди, прижимая к прилавку коленом рюкзак, откапываю в кошельке положенное число мелочи, и из темного самовара мне наливают кофе – такой же густой и исконный, как тот, что я когда-то сварила в формочке, а родители так и не дали мне его попробовать.

Ручки у белого с синим зайчиком стакана не предусмотрено, и мне нелегко доставить его до места, которое я наметила как свое.

Я задираю локти на круглый стол, поскольку мне нехватает роста на то, чтобы их на него уверенно водрузить.

Нюх в тепле пальцы ног, и обильно оттаивают ботинки. Шапка брошена поодаль от белого с отколотым краем блюда, а на нем – рыбный пирог, промасленная округлая, добротная лодочка, несущая мне сытость. Рядом быстро стынет кофе, коричневый, как воды Нила. Когда по Среднему проходят трамваи, поверхность кофе вздрагивает.

Да, вот так все это было неудобно и хмуро, и все-таки я рассказываю о том, что любила тогда и люблю теперь.

Сочинение

Всеволод Зельченко

У меня нет права примазываться к славной когорте учителей выпуска-96: я проработал там всего год, с середины девятого до середины десятого класса, и только в альфе, подменяя Татьяну Владимировну Кудрявцеву. Я не застал периода героической архаики, так что о битвах с РОНО, взламывании опечатанных дверей, ночных дежурствах и усмирении греческого бунта знаю только по скучным рассказам отцов-основателей и вздохам матерей-основательниц. Но свое “et in Arcadia ego” по случаю десятилетия второго выпуска я, пожалуй, все-таки произнесу – поскольку то были первые гимназисты, которых я видел в жизни, и эффект от этого знакомства оказался сильным и продолжительным.

Впервые переступая порог гимназии в ноябре 1993 г., я был студентом-пятикурсником, напрасно полагавшим, что его более чем смутное знание латыни и греческого компенсируется самонадеянностью. Кроме того, любая школа казалась мне учреждением по определению пенитенциарным, основанным на несвободе, зубрежке и унылом подавлении вольного творческого духа, так что предстоящую работу я расценивал как сугубо временный компромисс с совестью. Недавняя педпрактика в одной из именитых городских гимназий, где учитель литературы рисовал на доске график движения Раскольникова от топора к кресту, только укрепила эту уверенность.

На крыльце я встретил Мишу Позднева, который учился курсом старше. Мы церемонно поздоровались, и я спросил, каково тут. “Да как в университете”, – ответил он и, подумав секунду, прибавил: “Нет, лучше: здесь есть теннисный стол”.

Впрочем, теннисный стол я разглядел не сразу: обилие впечатлений мешало концентрации. Первое время в коридорах и курилке я все время искал глазами привычный учительский тип Марь Иванны – ибо весь опыт прожитой жизни подсказывал, что это столь же необходимая принадлеж-

ность всякой школы, как звонок или форма. Оказалось, что формы тоже нет, а вместо звонка играют что-то из второй сюиты Баха, усиливая ощущение легкого и эйфорического сумасшествия. Моя неопытность в местных реалиях, помноженная на плохо подобранные очки, доходила до неприличия: так, первые несколько недель я вполне серьезно считал Сергея Владимировича и Льва Яковлевича одним человеком. То, что иногда этот человек безукоризненно выбрит и облачен в костюм, а иногда щеголяет элегантной щетиной и демократическим свитером, приходилось приписывать превращениям жизненных обстоятельств и настроения: жизнь ведь вообще штука переменчивая. Прозрение пришло в тот момент, когда альфа-класс с учителями позировал для групповой фотографии и обе ипостаси моего Януса сошлись вместе. Этот снимок сохранился, так что глубину испытанного мною потрясения можно измерить на глаз.

Впрочем, гимназисты довольно быстро объяснили мне что к чему. Войдя в класс на одном из первых уроков, я застал мальчика и девочку, сидевших за первой партой, в разгаре отчаянного спора. Вопрос стоял ребром: кто круче – Толкин или его отечественный последователь Мик Перунов (имя изменено до неузнаваемости). От нечего делать они спросили моего мнения. Я подумал, что могу сразу произвести впечатление, и признался, что мельком знаю Мика П. по службе в издательстве “Юго-Восток”, что по контракту он обязан писать восемь страниц в день и это, по-моему, закрывает дискуссию. В ответ мне дружелюбно, но твердо напомнили, что Федору Михайловичу доводилось выполнять контракты и более жестокие, а в результате все равно получился шедевр. Второе очко я проиграл минут десять спустя, когда пустился рассказывать о паузах в гексаметре. Меня выслушали в общем сочувственно, но задали вопрос: “А еще мы слышали, что цезуры бывают мужские и женские; что это такое?” Явление полового диморфизма в мире цезур оказалось для меня неприятным открытием; я трусливо пробормотал что-то вроде “Вы, наверное, путаете их с мужскими и женскими рифмами...”, хотя уже сам понимал, что в этой компании скорее перепутают Майкла Джордана с Майклом Джексоном. Придя домой, я кинулся к книгам – и сижу за ними до сих пор, за что благодарен.

При всем этом дети были как дети: длиннющий Макс Бельграй прятался, немисливо скорчившись, под учительским столом, кто-то списывал, кто-то резался в крестики-нолики, кто-то,

подобно Онегину, “не мог aquila спрягать” – одним словом, питомником для вундеркиндов не пахло. Стереотипы “если они такие умные, то, наверное, снобы” и “если они такие умные и не снобы, то, наверное, книжные черви” рушились один за другим, и когда вскоре “Спартак” в Лиге чемпионов позорно продел ПСЖ 1:4, Петя Ильин уже великодушно утирал мои слезы в очереди за булочками.

Футбол, кстати, остался одним из самых ярких воспоминаний от выпуска-96: такое ощущение, что играли все и в любую свободную минуту (запомнился популярный принцип деления на команды “сборная Израиля против сборной остального мира”). Форвард Лопатка и голкипер Косаревский поражали не по годам зрелым мастерством. Тот же Михаил Михайлович рассказывал в курилке: “Читаю я сейчас с ними первую песнь «Илиады», а сам то и дело поглядываю в окошко – во дворе какие-то восьмиклассники мяч гоняют. И уныло так гоняют, тактики никакой. Чувствую, настроение портится. Тогда я сказал: «Лопатка, выйди из класса!» – «За что?» – «А то сам не знаешь. Иди, говори». Ну, он вышел, и когда через пять минут я опять выглянул в окно, стало уже гораздо лучше”. Эта история – не единственный пример того, как уживались в гимназии футбол и древние языки (“стократ блажен союз мяча и лиры”, сочинил однажды Денис Кейер): когда в очередном матче сборной победный гол забил футболист Никифоров, Аня Капранова из первого выпуска ликующе кричала: “Оправдалась фамилия! Оправдалась фамилия!”

Надо сказать, что в латыни большинство гимназистов альфы (бету я, повто-рюсь, видел всего несколько раз на заменах) усилиями Татьяны Владимировны разбирались отлично: с тех пор бывало всякое, но чтобы десятиклассники, прочитав стихотворение Катулла, говорили “А-а, так вот откуда это Гораций слизал!” и чуть не хором приводили соответствующие строки Горация, больше мне слышать не доводилось. Когда со второй парты средней колонки, где сидел Атари Петров, звучало флегматичное, но веское “А я, знаете, это место по-другому понимаю...”, я знал, что предстоит захватывающая дискуссия, исход которой заранее предугадать невозможно. К начетничеству все это никакого отношения не имело, свидетельство чему – сохранившийся у меня вольный перевод

Catull. 13, выполненный Машей Левиной (несколько позже я прочел и “серьезные” ее стихи – замечательные безо всяких скидок на возраст). Перевод начинается так:

Пообедаешь вскоре, дай бог, со мною;

Приходи; и обед обильный, вкусный,

Приноси с собой; приводи красотку;

Не побрезгую винами; как закуску

Уважаю острое и остроты.

Если сделаешь так, говорю, мой славный,

Пообедаешь всласть: у Катулла в доме

Круг от сушки для гостя всегда найдется...

Действительно ли этот набор был самым сильным в истории? Пожалуй, да – хотя бы потому, что каждый четвертый выпускник 1996 г. потом преподавал в гимназии (по-моему, рекорд). Действительно ли это был золотой век школы? Пожалуй, тоже да – но с оговоркой, что ее железный век пока не наступил и, будем верить, наступит не скоро. А ведь перед ним, если верить Гесиоду, бывает еще век героев.

Комментарии

Вова Л.

Рецензировать превосходный текст Всеволода Владимировича с моей стороны было бы непростительной самонадеянностью. Однако, во избежание излишней мифологизации «золотого века», которая и так уже выходит мыслимые пределы (Симин, оставшийся в Торопце без шести и пр.), необходим комментарий, уточняющий ряд деталей и расставляющий необходимые акценты.

Г: У меня нет права примазывать к славной когорте учителей выпуска–96: Всеволод Владимирович с присущей ему скромностью совершенно напрасно отказывает себе в праве быть причисленным «к славной когорте учителей» нашего выпуска. Однако если продолжить параллель с когортой, значительно более важен тот факт, что легионер все еще в ней после года службы, а не то, что его не было при взламывании РОНО. В душе многих, уверен, ВВ и Катулл остались надолго. Да что многих .. даже автор этих строк в союзе которого мяч безусловно преобладает над лирой, даже, до сих пор с трудом сдерживает слезы, вспоминая о трагической судьбе воробушка.

З6: Войдя в класс на одном из первых уроков, я застал мальчика и девочку, сидевших за первой партой. В этом эпизоде, ВВ, очевидно, пал жертвой актерской инсценировки. Представить себе, будто упомянутые гимназисты могли серьезно обсуждать подобный вопрос, это все равно, что вообразить, как сам Всеволод Владимирович с Михаилом Михайловичем обсуждают, кто круче: Гомер или Дарья Донцова.

63: и голкипер Косаревский. Зрелым мастерством голкипера ВВ, очевидно, поражал Осетинский. Петя Косаревский был жестким защитником, по манере игры напоминающим нечто среднее между Элвером Рахимичем и Марко Матерацци.

64: История с Лопаткой и Михаилом Михайловичем Позднеевым крайне показательна с точки зрения мифотворчества. Думаю, сейчас уже можно рассказать всю правду, которую Михаил Михайлович по понятным причинам не мог изложить в курилке. На самом деле, все происходило во дворе. Михаил Михайлович, игравший в тот раз за сборную «костального мира», при счете 4–3 в пользу Израиля опасно пробил рядом со штангой. Тогда Лопатка, посмотрев на часы, подошел к нему и сказал: «Михаил Михайлович, идите в школу.» «Почему?» «А то вы не знаете. У вас уже двадцать минут как урок в IO бета». И потом до самого конца урока Михаил Михайлович временами тоскливо поглядывал в окно ..

Убитый в дороге

Эпиграф.

Не ходить бы тебе по лесу с белым лицом, черным стволом,
не выгонять бы тебе из дупла его огонь-птицу.

Позабыт, пораздет,
На равнине лежит, холма еще нет,
Но уже на глаза под ресницами
Собрались нечистые птицы.
Сорну траву мели
Пальцы – морские звезды
Видно, черным изломом земли
Напитались ладони вдосталь.
На прошитой груди
Малый крестик часу не выпал,
Потом по райским приискам
В золоте – не бродить.

Левина Мария

Буриме

Как быстро желтеет бумага,
И вянет на солнце сирень,
И в страх переходит отвага,
И свет переходит в тень,
И валяются доски забора,
И падает в лужу хромой,
И вор отнимает у вора,
Что нажил тот темную мглой.

Нахмансон Илья

Буриме

Больной, усталый и хромой
В тени высокого забора
Писатель встретил злого вора,
Укрытого вечерней мглой.
Его не бросила отвага,
И он пробрался сквозь сирень
Бегом, без страха, через тень
Туда, где ручка и бумага.

Буриме-2

Когда я на коленях для моления
Стою, как в омут головой нырять
Я вынуждаю сам себя в забвенье
И память о делах мирских терять.
С меня стекает брэнной жизни муть,
И уплывает прочь мирская пена.
Земное не смогло меня согнуть –
Теперь небесное идет ему на смену.

Чистович Сергей

О ЗНАЧЕНИИ ОДНОЙ СЧИТАЛКИ

Эни бени реки факи
Турба урба сентябряки
Деус деус краснодеус
Бац.

Этот отрывок, несомненно, пришел к нам из Польши. Где еще в пределах государства Российского было такое количество латиноговорящих людей? Собственно, этот вывод можно сделать на анализе лексического материала самого текста.

Aeneas bene* re[m] [publicam]** faci[t]***
[In] turba urb[em] sene Tiberi jaci[t]***
Deus, deus, crassus**** deus
Bacchus

*Ср. польское «добже».

**Реки из rzecz, как в «Речь Посполитая» Очевидный полонизм.

***Историческое настоящее.

***См. выше.

****Указание на тучность Вахха очевидно свидетельствует о позднем возникновении песни.

Итого: Эней хорошо государство сделал,
Под шумок основал город рядом со стариной-Тибром.
Бог, бог, тучный бог,
Вахх!

Мы видим, что отрывок представляет собой один из куплетов вакхической песни. В первых двух стихах косноязычно, безграмотно и неверно сообщается о некоторых фактах из римской истории. Почему все эти свершения приписываются здесь Энею? На этот вопрос можно дать разные ответы. Вероятно, здесь имеет место римский вариант «глобальной хронологии». Или невежество. Или еще что. Два последних куплета расшифровываются легко — это восхваление бога вина. Все замеченные ошибки в склонениях, спряжениях и употреблении являются опечатками.

Нахмансон

Эсен

Прощайте, Эсен.

В нашей незабвенной Гимназии всегда толчется толпа народу - и есть ровно один незаменимый человек.

Эсен Абдыкадыров - миниатюрный и хрупкий. Ему пятьдесят. Диким деревенским мальчиком он приехал в Ленинград посвящать жизнь балету. Не знаю точно, что произошло потом - может, он получил травму, а может, был не слишком талантлив, - словом, Нуреева из него не вышло, он оказался отрубями, тем, кто отщёлкивается на периферию.

До сих пор он ревниво ходит на все балетные премьеры - это единственный досуг, который он, отшельник, себе позволяет.

Больше всего на свете Эсен любит балет и Гимназию, в которой работает вахтёром. Там вся его жизнь, ведь он один как перст. Дети называют его не вахтёром, а привратником.

У привратника изящная жестикуляция, он очень раним и обидчив, но всегда всё прощает. Он любит поболтать на крыльце, куря от детей тайком - иначе почему ему можно, а детям нет. Он живёт с детьми в одном ритме.

Эсен следит за всем, что происходит вокруг, всегда знает, кто в школе, а кого сегодня нет, у кого из гимназистов что болит и по каким дням кого из учителей можно застать. Не знаю, как ему удастся помнить подробности жизни не только всех гимназистов и их семей, но и всех выпускников разных лет. Видимо, дело в том, что он обожает детей, и все обожают его, мимолётно, на бегу на перемене, как само собой разумеющееся, как обожают дети.

- Эсен, смотрите, какой у меня костюм!

- Доброе утро, Эсен!

- Эсен, до свиданья!

У Эсена есть свои странности: он боится телефона и магазинов. Толкотни, суеты, подсчёта денег. Мне не раз доводилось покупать его заказ: кусочек дешёвой колбасы и пару булочек. Это возвращало ему душевное спокойствие.

Сидя в своём привратничком закутке с кипятивником, телефоном и операми

Россини, Эсен выучил по самоучителю итальянский, французский, немецкий, английский и латынь, чтоб не отставать от гимназистов.

Целый день он проводит в школе - единственный из персонала, кто не зарабатывает на стороне, ведь на школьную зарплату прожить невозможно.

Эсен живёт в коммуналке на Васильевском, и он привык к нищете. Он жил так всю жизнь, и мало требует.

Нищета.

Весной у него обнаружился туберкулёз. Открытая форма.

Эсен слёг в больницу, мы скидывались на лекарства, взрослые ходили его навещать, дети посылали записочки.

Ему чуть полегчало, он стал похаживать в школу - по вечерам, когда нет детей.

Как-то он пришёл в школу чуть не плача: врачи хотят резать лёгкое. "Я не переживу операции, я знаю, я знаю."

Классные дамы отпаивали его чаем.

После этого дня Эсен пропал. В больнице его не было, дома тоже. Пошли в милицию. Еле заставили искать - слава богу, что школа большая, у кого-то обнаружили знакомства.

Больше месяца никаких вестей не было.

Потом труп Эсена выловили в Лахте.

Детям как-то решили до поры до времени не говорить - пусть сдадут сессию и отпразднуют выпускные, а там - повесим объявление о похоронах, проводим всей школой, семейно. Эсена было решено кремировать.

Но менты всё не отдавали тело - было неясно с причиной смерти.

Так время шло, классы один за другим отстреливались с сессией, вот-вот все должны были разъехаться на каникулы.

Наконец директор сам поехал в милицию.

В конце концов, это наш Эсен, наш.

- Да вы что, его давно уже закопали где-то, - отвечали в милиции.

Детям так ничего и не сказали.

Ужасная история с Эсеном, вышло-то так не по-человечески - говорит учительская. Ужасная история.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСКНОЙ ВЕЧЕР 1996/2006

В прошлом году шумно, с помпой, гимназия отмечала пятидесятилетие открытия и десятилетие первого выпуска. Торжества проходили широко, с привлечением административного ресурса и общественных деятелей. Фонд "Анабасис" проделал огромную работу, и первый выпуск, покачиваясь и сыто отдуваясь, расходился по домам с чувством благодарности к любимым учителям.

Второму выпуску пришлось крутиться самостоятельно. И хотя некоторые сомневались в наших способностях, результат посрамил скептиков и даже превзошел ожидания оптимистов.

Обо всем по порядку.

12:00 - 13:00 ХФУВ ГМ
"БМХБ" - "Вжуб"

Футбол проходил на стадионе СКА на Ждановской улице, что недалеко от школы. Инициатором матча выступил В. "Винни" Смирнов, а организатора-

ми - П. Курочка и И. Нахмансон. Отдельное спасибо М. Перлову, который, находясь на другом берегу Атлантики, тем не менее выслал деньги на проведение вечера, часть из которых была израсходована именно на аренду стадиона.

Матч проходил в острой, бескомпромиссной борьбе - с травмами, фоллами, острыми ударами и фантастическими сэйвами.

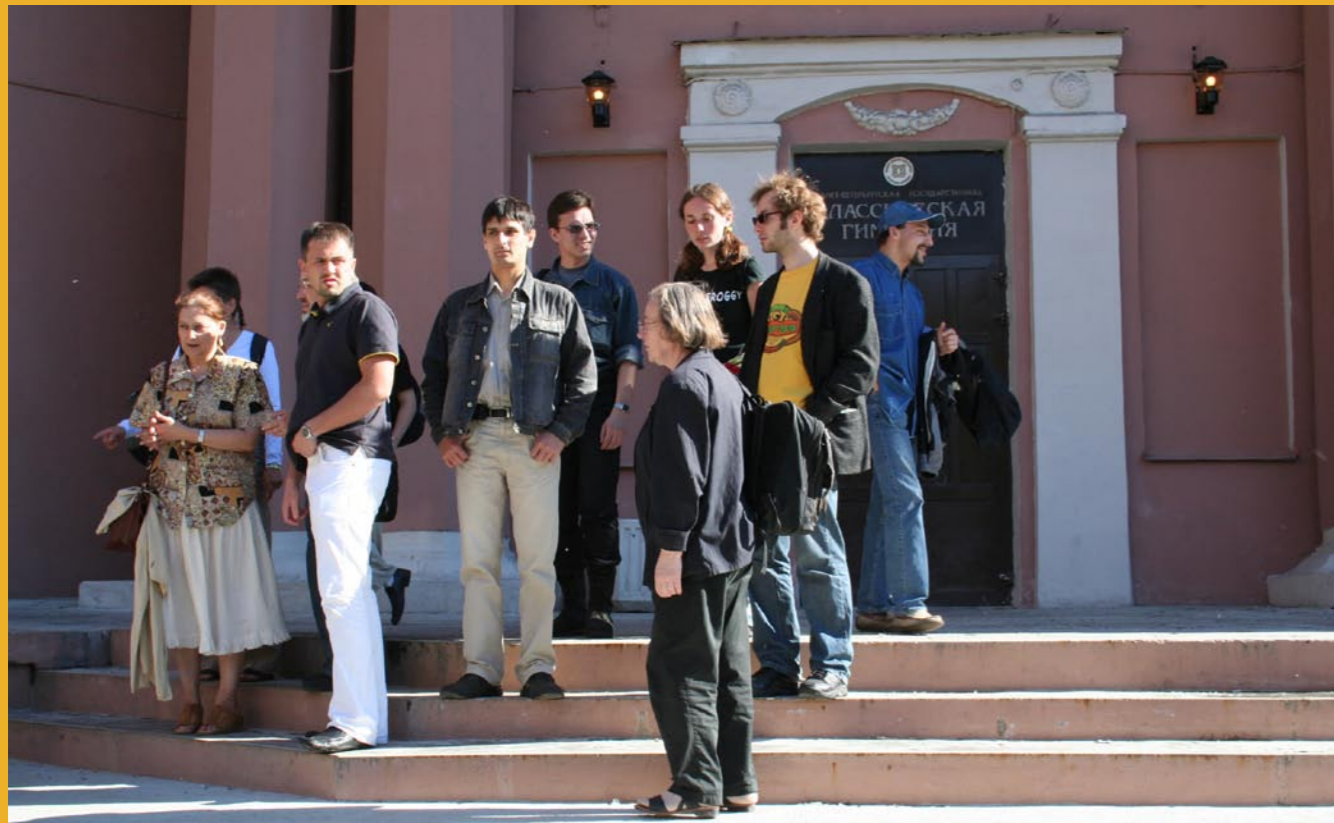
Составы команд:

Альфа:

- П. Ильин
- П. Косаревский

- В. Лопатка недостатком собственных воспитанников и пригласила легионеров.
 - А. Осетинский (вратарь) Этот ход принес успех: из четырех мячей в ворота Беты три провел Богдан Эдуардович. Четвертый мяч на счету Пети Косаревского. Бета ответила тремя мячами. Два забил Нахман, жестоко травмированный Петькой, и один - Паша. Итог - 4:3, Альфа побеждает.
 - Б. Тремпольский
 - Е. Тремпольская
 - Н. Критский
 - П. Курочка
 - Р. Морозов
 - И. Нахмансон
 - В. Смирнов
 - С. Чистович
- Бета воспользовалась

13:45 - 18:00 ИБТУГМЖ закусок. Многие приня- резать и раскладывать
 Закупка еды и питья - ли участие в подготовке на столах все это велико-
 сложная задача. При та- праздничного обеда. Ата- лепие.
 ком количестве народа - ри и Танхил, Еж и Тигор
 почти нереальная. Как и - вот люди, ко-
 следовало ожидать, точ- торые соби-
 (во многом из-за того, что с о с т а в л я л и
 многие учителя, обещав- меню, ездили
 шие быть, к сожалению, по магазинам,
 не пришли). По крайней п е р е т а с к и -
 мере, еды было много, а вали тюки с
 не мало, да и выпивки едой. Спасибо
 хватало. Столы ломи- и всем тем, кто
 лись от незамысловатых помогал мыть,

Во время обеда Сергей лись галдеть без умолку нала формата А4 настоя-
 Владимирович демонс- и наперебой. А тем вре- щего газетного качества
 трировал на проекторе менем подошло время печати. С фотографиями
 раритетное видео из свое- представить Газету. и иллюстрациями. Со
 го архива (первые сен- стихами и анекдотами. С
 тября 1993 и 1994 годов), **Пл г м п 16:00 ДБЖУБ'** репортажами и аналити-
 затем Алик "Змий" Озер- Газета, о которой так дол- кой. Со всем, чего толь-
 ский овладел вниманием го говорили выпускники, ко может пожелать душа
 публики и, как заправ- свершилась. И не в виде выпускника.
 ский тамада, руководил раскрашенного фломас- Многие, к сожалению,
 произнесением тостов. терами ватмана. И даже обещали, да не присла-
 После пятого тоста необ- не в виде разрозненных ли обещанного. Мы не
 ходимость в тамаде от- ксероксных листочков. будем называть имен
 пала, все развеселились, Газета обрела форму тол- этих людей. Благодаря
 расслабились и приня- стого (36 страниц!) жур- неиссякаемой энергии и

плодовитому перу главного редактора Ильи Нахмансона Газета все равно получилась объемной и интересной. А Женя Потапова, редактор и дизайнер проекта, совершила подвиг, в коротких перерывах между экзаменами разработав макет и подготовив Газету к печати. Вова Лопатка написал много интересных рассказов о походах, кое-что написал и Чистович. Он же

учителя,

щения. На полчаса все разговоры прекратились; все читали, вспоминали, разглядывали картинки. А редколлегия, потупясь, восхищаются публике несколько сценок по рассказам Зощенко. Как обычно, спектакли Натали Андреевны восхищают публику не

тщательной отрежиссированностью (поскольку готовятся от силы пятнадцать минут), но хорошим выбором материала и искрометной импровизацией. Так было и в этот раз. Все смеялись и хлопали до упаду, потому что Мария Пироговская, Пожирающая Бананы, и Андрей Костин - Грудная Девочка не могли оставить зрителей равнодушными.

18:30 - 23:30 Лг БВ МЙЛ
С корабликом договаривалась Аня Киселева, за что мы ей все признаемся. Кораблик - место для разговоров. Одни вспоминали прошлое, другие обсуждали будущее, третьи решали проблемы настоящего. Паша Черноморский залез на крышу. Петя Ильин надев смерть спорил с директором. Смирнов фотографировал. Наталья Андреевна читала старые сочинения. Семенов пополнил запас коньяка, сбежав с пятилетия универовского выпуска обратно к гимназистам. Было спокойно, уютно, и хотелось кататься до бесконечности...

Чистович Сергей

